

МУРИЧ В.Б

ПОЛИГОН
БЕЗУМНОЙ
СМЕРТИ

Виктор Борисович Мурич

Полигон безумной смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24149472

Аннотация

Мотоциклы. Приключения. Страсть. Друзья, готовые ради тебя на все. Киберпанк...

Сухо и безвкусно, скажете Вы, использовать теги в качестве аннотации. Возможно так оно и есть. Прочитайте, а потом поговорим.

Предисловие.

Минуту назад погиб Артем. Погиб, подорвав керамической гранатой себя и десяток аборигенов. Скорее всего, он не смог ее бросить под весом напавших сверху. Глухой взрыв разбросал рваные куски тел в разные стороны. Мы, ничем не могли ему помочь. Работы было слишком много... В этот момент Шурик из Калашникова укладывал прорвавшихся в ущелье аборигенов, я же разбирался со стрелками из пращ, засыпавших нас градом камней.

Шлем уже два раза спас голову. Первый камень просто черкнул по затылку, а вот второй попал прямо в висок. Голова осталась целой, только появилось сильное головокружение. Хорошо хоть с большого расстояния стреляли...

– Прицельно, блин, метают гады! – шепчу сквозь зубы и загоняю в карабин очередную обойму.

Я стараюсь даже не смотреть на то место, где еще недавно находился Артем. Чувство жалости и утраты придет потом, после окончания боя, или не придет совсем, если я не доживу до того момента. Сейчас я всего лишь констатирую факт смерти одного из бойцов и прикидываю, как двум стволам справиться там, где и троих-то едва хватало. Если я сейчас позволю одержать верх жалости и отчаянию – пиши пропало, следующая волна аборигенов размажет нас по камням не оставив и следа.

Артем был не прав. Лучше сдохнуть тут в бою, чем дома, как бык на бойне.

Один из прашников неосторожно высунулся из-за скалы и тут же получил пулю в лоб. Верхнюю часть черепа как бритвой срезало. Такая же участь постигает двух аборигенов попытавшихся подобраться ко мне поближе. Один так и остался лежать в той точке, где его настигла смерть, а второй, раненый в бедро, умудрился проползти еще десяток метров, оставляя за собой красную полосу, прежде чем умереть от потери крови.

Хищным взглядом, осматриваю свой сектор обстрела, как парящий в небесах ястреб высматривает под собой очередную жертву. Притихли голодранцы. Всем жить хочется. Хоть и идиоты, хоть и заражены гнилью, а поняли, что лезть голой грудью на карабин дело одноразовое и если что, дублей не будет.

Терпеть еще немного. Патроны тают с невероятной скоростью. А аборигенов становится все больше и больше. Тонкими струйками они вливаются в ущелье как горная река.

– Витя, к тебе снизу гость ползет, – хрюкнула рация голосом Шурика. – Стрелять не могу. Позиция неудобная. Есть шанс тебя зацепить.

– Понял, – шепчу в микрофон шлема. – Спасибо.

Я лежу на левом боку, прислонившись спиной к вертикальной скале. Пистолет, в подмышечной кобуре получается подо мной. Приподнимаюсь, чтобы достать его, но тут над

краем скального выступа, на котором я нахожусь, показалась оскаленное лицо с безумными глазами и костлявая рука замахнулась обломком камня. Доставать пистолет из кобуры нет времени. Пока я буду возиться, этот камикадзе вцепит мне увесистый обломок между глаз. И как ему удалось незаметно подобраться ко мне? Вроде внимательно смотрел... Если были сомнения, то обязательно проводил контрольный выстрел. Лучше израсходовать лишнюю пулю, чем в самый неподходящий момент получить камнем по кумполу. Если бы не зоркий Шурик, то сейчас именно так бы и случилось.

Рука аборигена метнулась вниз, как я и ожидал в сторону лица. Безумец безумцем, а куда бить соображает. В последний миг одергиваю голову в сторону, и камень с треском ударяется о скалу, высекая сноп искр и осколков, которые больно стегают по лицу. Не дожидаясь второго удара, выбрасываю вперед правую руку с пальцами сложенными в «викторию».

– Он твой, – говорю Шурику, брезгливо стряхивая на камень прилипшие к указательному пальцу остатки глаза, еще секунду назад принадлежавшего аборигену.

– Делаю. – Коротко прострекотала очередь, заткнув истерический вопль ослепленного гостя.

Я даже не смотрю вниз, чтобы проверить работу стрелка. Шурик всегда все делает на совесть.

От злобного взгляда изувеченного глаза направленного на меня мне становится нехорошо. Резким движением руки

сбрасываю его вниз, к владельцу и брезгливо вытираю перчатку о камень, с трудом удерживая тошноту.

– Ты как? – интересуется Шурик.

– Атака! – выдыхаю с ненавистью вместо ответа на поставленный вопрос, глядя на новую волну наступающих.

– Уже третья, – хладнокровно констатирует Шурик.

Все началось около получаса назад.

Мы, опустив головы, плелись к точке перехода в родной мир измотанные схваткой с уже знакомыми кислотодрыщущими летунами. На душе была тоска и злость на собственное бессилие. По сторонам никто даже не смотрел. Это нас и подвело.

Возле ноги с сухим стуком ударился об скалу камень, и отскочил рикошетом, чуть не задев Шурика. Вслед за этим горы взорвались диким животным воем. Обернувшись, мы увидели, что в нашу сторону быстро движется здоровенная толпа аборигенов. На этот раз в их руках оружие: пращи, веревки с привязанными на концах камнями и просто острые обломки скал. Толпа движется слишком быстро, чтобы успеть от нее убежать. Тут уж хочешь не хочешь, а придется сражаться. Гуманность штука очень даже замечательная, по крайней мере, до тех пор, пока перед нами не становится дилемма – или стать мертвыми гуманистами, или же наплевав на доброту интенсивно заняться истреблением аборигенов с целью спасения собственной шкуры. Честно говоря, мне, не

смотря на врожденную доброту, более нравится второй вариант.

Переглянувшись, рассредоточиваемся, занимаем боевые позиции и готовимся к предстоящему randevу.

Толпу встречает дружный треск двух автоматов и глухое бухание карабина. Артем бросает керамическую гранату. Она падает почти рядом с первой волной наступающих. Взрыв. Со свистом пролетают над головой обломки раздробленных камней. Окружающие нас скалы усиливают звук взрыва, а эхо с удовольствием повторяет его несколько раз. Крики боли... Тела падают, но толпа не замедляет ход. Босые ноги топчутся по павшим сородичам, не взирая на то мертвые они или нет. Корчатся в конвульсиях раненые, оглашая горы жалобными стенаниями.

Мы практически выкашиваем два первых ряда. Автоматы бьют длинными очередями. Разрывные пули рвут на части тела нападающих. Каждый выстрел из карабина это или оторванная рука, или обезглавленное тело. Но ничто не в силах остановить это безумное стадо. Максимум, что мы можем сделать, это замедлить ход этой волны смерти, готовой вот-вот захлестнуть нас с головой.

– Надо отходить! – невозмутимый голос Шурика раздается в наушниках шлема. – Нас обходят сзади.

Оглядевшись, замечаю несколько аборигенов пытающихся зайти в тыл. Вскидываю карабин. Перекошенное ненавистью лицо всплывает в прицеле.

Оптика почти вплотную приближает бегущих людей. Глаза безумны. На губах, растянутых в свирепом крике, висят клочки пены. В руках камни.

Три выстрела. Три тела кубарем катятся вниз по склону. На их месте остаются кровавые ошметки, вырванные из тела взрывами пуль. Остальные поворачивают обратно и скрываются за холмом.

– Ага! Испугались, голодранцы! – просыпается во мне охотничий азарт. Я знаю, что потом, если конечно это потом для меня будет, мне будет очень стыдно за этот самый азарт, за бойню которую мы устроили и в первую очередь за чувство радости, получаемое при каждом удачном выстреле. Но это будет потом, а сейчас я пьянею от отобранных у противника жизней. Никогда ранее даже не думал, что я буду получать удовольствие, сея смерть. Будь проклят этот мир сделавший меня таким!

– Туда! – кричит Артем и призывно машет рукой – Туда! Там ущелье! – Он первым вскакивает на ноги и петляя спешит к укрытию. Камни градом сыплются вокруг него. Облегченно вздыхаю, когда его спина скрывается за каменным утесом.

Похоже, что количество трупов повлияло на сознание толпы. Люди остановились, начали прятаться за камнями.

– Быстрей, – режет уши крик Артема, – сюда!

Бежим за ним. Толпа дает нам небольшую фору, оставшись на месте. Очень даже кстати.

Тяжело дыша, вбегаем в небольшое ущелье. По бокам вырастают высокие усеянные паутинами глубоких трещин стены с многочисленными уступами.

Да, вот здесь мы дадим настоящий бой. Вход в ущелье как на ладони. Удобных для стрельбы позиций тоже более чем достаточно. Здесь мы сможем долго продержаться. Сверху нас недостать, а ширина расщелины не позволит им двигаться широким фронтом. Все как в тире. Вот только мишеней многовато и больно уж агрессивных.

Осмотр нового плацдарма вселяет немного надежды в душу. Если хватит патронов, то этот раунд останется за нами.

Собираемся вместе за массивным скальным выступом. Друзья молчат. Говорить не о чем. Все и так понятно. Потом, если все обойдется, поговорим. Хлопаю друзей по плечам и бегу занимать удобную позицию.

Шурик располагается по центру расщелины и сразу же начинает из обломков камня деловито выкладывать невысокий бруствер. Камешек к камешку. Не торопясь и очень скрупулезно, как будто не существует готовой ворваться в любую минуту в расщелину обезумевшей толпы. Он на удивление спокоен. Даже завидно. Хотя, это в его стиле. Внутренние бури эмоций крайне редко проявляются на его восточном лице. А может этих бурь и вовсе нет.

Я забираюсь повыше, расширяя сектор поражения. Узкий карниз приютил меня весьма охотно. Тесновато немного, но зато безопасно и обзор замечательный. Быстренько сметаю

вниз ботинком каменную крошку. Она твердым дождевиком сыплется вниз, шурша по скале. Вот теперь совсем замечательно. Укладываюсь на теплый камень и подбираю удобное положение для оружия. Поворочавшись, выкладываю из поясных сумок несколько запасных обойм. Ну вот, я и готов к приему гостей. Добро пожаловать.

Мои первоочередные цели – это пращники. Камень, выпущенный из этого незамысловатого оружия способен превратить череп в помятую консервную банку. Нас спасает то, что это, похоже, кто-то вроде крестьян. С владением оружием и тактикой они к счастью почти незнакомы. «Ополчение» – всплывает голове термин второй мировой. Если бы они умели нормально пользоваться своим незамысловатым оружием или имели толкового командира... тогда бы мы точно не дожили до этого ущелья.

Артем заполз выше всех. Он разместился на небольшой площадке, на противоположной стене ущелья, почти у самого ее верха.

– Артем, – спрашиваю, с недовольством рассматривая его размещение, – тебя сверху не достанут? Мы не знаем, насколько крута эта скала с обратной стороны. Если туземцам удастся выкарабкаться на ее верх, то они просто-напросто забросают тебя камнями.

– Не-а. Не достанут, – беззаботно отвечает он. – Края неприступны. Если полезут, то как раз Шурику под ствол скатятся. А уж он их после мягкой посадки приласкает.

– Встречу с соответствующими почестями! – скупо усмехается в микрофон Шурик. – Главное чтобы патронов хватило, а то я здорово поиздержался.

Достали! Все-таки Артема достали! Эх, надо было мне его уговорить сменить позицию! Да что уж теперь горевать... Раньше нужно было думать.

Скорбь и чувство вины тяжелыми гирями опускаются мне на плечи, вдавливая в безразличную к происходящему скалу. Ей нет никакого дела до того, что творится на ее грубой серой коже. Пусть даже здесь миллиарды отойдут в мир иной, каменная масса даже не пошелохнется и не проявит ни грамма скорби или сочувствия.

Я никогда не думал, что кто-то из нас может погибнуть... Нет, вру! Думал, конечно, но как-то несерьезно. За последнее время все мы уже не раз смотрели в лицо смерти, и только чудо или находчивость помогали выбраться из кажущегося безвыходным положения. Чего стоили одни только кальмары-гипнотизеры, а летающая пена, которая чуть не переварила нас живьем на верхушке хребта у долины... Всегда существовала вероятность, что кто-то из нас может погибнуть. Хм-м, вероятность... Вероятность и предположения о возможной гибели это одно, а вот когда у тебя на глазах гибнет друг... Я скрипнул зубами и опустил голову на приклад карабина, пытаясь бороться с предательски рвущейся из глаз влагой.

Теперь нас двое.

Аборигены опять дали пятиминутную передышку. Воспользовавшись возможностью, провожу ревизию боеприпасов.

Огорченно присвистываю.

Все еще хуже, чем я думал. Полтора магазина для карабина и полупустая обойма пистолета. Его я использовал при отражении предыдущей волны, когда это стадо безумцев подобралось почти вплотную. Теперь под моим карнизом холмик тел – кровавое напоминание о последней атаке. Некоторые трупы лежат всего в нескольких метрах от меня.

Небольшая пауза перед очередной атакой дает возможность подумать, заглянуть в себя. Мне никогда и в голову не приходило, что мы в состоянии стать мясниками. Бесстрастными мясниками на человеческой бойне. Ни грамма сожаления, ни при звуке выстрела, ни при взгляде на лежащий на камнях труп. Первоначальная эйфория повелителя жизни и смерти прошла, уступив место холодному равнодушию. Я смотрю на врагов как на игрушечных солдатиков, в которых в детстве стрелял из пистолета стрелой с присоской на конце. Солдатики точно так же падали на пушистый ковер, когда мне удавалось в них попасть... Все как бы понарошку. Вот только в детских баталиях я всегда побеждал. Сейчас же шансов благополучного исхода становится все меньше и меньше.

Еще пара таких передряг и я точно стану закоренелым

пессимистом.

В дальнем бою мой карабин оказался незаменим. Он не оставлял никаких шансов прашникам удерживая их на безопасном расстоянии. Я погладил верное оружие. У меня, похоже, мания – обращаться с понравившимися предметами как с живыми существами. Раньше был мотоцикл, теперь вот карабин. Я с тоской подумал о скучающем мотоцикле. Потом мысль сама собой перешла к Вике. Да, о такой, именно о такой девушке я всегда мечтал. Если проанализировать все мои грезы в этой области, то выходит, что она чуть ли не мой идеал. Красивая, умная, женственная, но в то же время с таким стальным, негибачаемым стерженьком внутри. Сейчас, лежа в окружении десятков трупов и потеряв одного из друзей, я как никогда доселе чувствую необходимость ее присутствия в моей жизни. Вспомнился прощальный поцелуй... Ее нежные рыжие локоны щекочущие мое лицо... Стройная фигурка прильнувшая в момент расставания...

– Вить... Как успехи? – булькает и хрипит рация. Похоже, удар камнем не прошел для нее даром.

– Какие тут могут быть успехи. Сплошная смерть вокруг! Ненавижу! – цежу сквозь зубы. – Видел как Артем ... – комок в горле не дает договорить.

– Не видел. Слышал, – хрипит в ушах грустный голос. – Жаль!

Да жаль. Это я Артема втянул в эту сумасшедшую авантюру. Это на моей совести лежит его гибель.

– Мы все равно ему ничем бы не смогли помочь, – за чем-то оправдываюсь перед Шуриком.

– А у тебя все нормально, а то голос у тебя какой-то непонятный? – заботливо интересуется друг.

– Со мной да, а вот рация, кажется, на пути в свой электронный рай. Какой-то снайпер меня очень удачно в шлем камнем влупил, аж чертики перед глазами запрыгали. В результате оказалось, что моя голова значительно более надежный прибор, чем электроника чужаков.

– Хорошо, что не наоборот.

– Полностью согласен с предыдущим оратором, – неожиданно для себя растягиваюсь в улыбке. То, что Шурик все еще сохранил способность шутить, внушает определенную надежду. Надо и себя брать в руки, а то раскис как баба. – Шурик, как с патронами?

– Никак. Втыкаю последний рожок.

– А пистолет?

– Уже пусто. В калаше гильза заклинила. Не было времени вытаскивать. Пришлось пистолет доставать. Еле отстрелялся... Думал массой задавят.

Голос друга полон энтузиазма. Кажется, что он немного пьян. Неужели способность отбирать жизнь, быть вершителем чужих судеб поначалу так опьяняет человека? К счастью я этого уже не чувствую. Меня тошнит от этих замерших в нелепых позах тел, от вездесущей крови, от жалобных стонов раненых...

Голова, ушибленная камнем, тупо ноет и немного кружиться.

Ненавижу убивать! Это только по телевизору интересно смотреть... Нажал один мужик на курок а другой хлоп на землю и замер в красивой позе и аккуратненькая такая струйка крови на белоснежной рубашечке. Искусство, мать его! Здесь все не так. Никакого тебе грима, сплошной реализм, со всеми его прелестями. Здесь, прямо под скальным карнизом, на котором я лежу, валяется старая женщина с развороченным животом, а ее кишки, вывернутые наружу разрывной пулей, аккуратно разложены на плоском камне как... как на тарелке... И запах... Сладкий, приторный запах крови... Была бы возможность я бы вообще не дышал... и не смотрел... и не стрелял. Но я не могу позволить себе такую роскошь, если конечно все еще хочу жить.

Момент истины – последняя атака, все ближе и ближе.

Закуриваю, пытаюсь табачным дымом разогнать роящиеся мысли.

В поле зрения появляется абориген с пращей. Даю ему размахнуться и только после этого простреливаю грудь. В момент, когда боек ударяет по капсюлю патрона, я закрываю глаза, чтобы не видеть очередной кровавый шедевр созданный оружием на сером каменном холсте.

Ущелье завалено телами. Некоторые еще дергаются. Метрах в двадцати за обломком скалы, иссеченном осколками гранаты, кто-то захлебываясь кричит страшным голосом.

Через минуту крик переходит в хрип и утихает насовсем.

На всякий случай еще раз перетряхиваю ранец в поисках несуществующих боеприпасов. Высыпаю содержимое на скалу. Консервы, упаковки пищевого рациона, шоколад, сигареты. А это что? Последней выпадает знакомая желтая коробочка.

– Шурик! – ору я во весь голос, забыв о рации – Мы спасены! – Я готов пуститься в пляс от радости на своем узком карнизе.

– Ну что там у тебя? – скептически интересуется Шурик. – Гранатомет в ранце нашел? Эх, думал я прихватить ...

– Лучше! Лучше! – перебиваю его. – Помнишь, Вика в тире показывала их оружие?

– Припоминаю, было такое. Это, которое рой, что ли?

– Да! Именно рой! Оно у меня! Не знаю откуда оно взялось... Главное что есть!

– Врешь! – Шурик высовывается из своего убежища, и я машу ему желтой коробкой. Его физиономия расплывается в счастливой улыбке.

– Слушай, – даю наставления, – если ты не забыл, это оружие предназначено для разрушения тканей головного мозга. Когда эти голозады пойдут в атаку зарывай поглубже голову под камни. Мы хоть и не умеем управлять этими насекомыми, но по идее оказавшись на свободе, они будут лопать, что под руку подвернется.

– А если эти насекомые и наши мозги скушают?

– А у тебя еще есть чего жрать? – шучу я, окрыленный неожиданной возможностью спасения. – У тебя выбор есть?

– Нет.

– Вот лежи там и не умничай, – заканчиваю я диспут.

Лежим, ждем атаки. Впервые я жду ее с нетерпением.

Вот будет теперь вам за Артема. Все здесь сдохнете суки!

Все до одного!

В расщелину потихоньку начинают просачиваться аборигены. Идут не спеша, на полусогнутых. Перебегают от камня к камню. Прячутся, с опаской поглядывая в нашу сторону.

Да, не прошли наши уроки даром.

Не встречая сопротивления, все больше и больше аборигенов заполняет расщелину. Подпускаю ближе. Еще ближе. Противник почти рядом. Только б пчелки не подвели.

Резким движением открываю коробочку, и тот час же засовываю голову под обломок скалы, засыпая сверху заранее приготовленными кусками. Не смотря на своевременно опущенное забрало, каменная пыль настырно лезет в нос, похоже, что конструкторы не предусмотрели применение страусиной методики.

– Началось! – взволнованно шепчу в микрофон, с трудом удерживаясь от чиха.

– Я уже зарылся, – невнятно бормочет Шурик.

Видеть, что происходит в ущелье я не могу, но сквозь слой камня доносятся крики страха, вой, звук падающих тел. Судя по всему, мозги, пораженные гнилью пришлось по вкусу

крылатым обжорам.

Несколько минут лежу, как страус, зарывший голову в песок.

Наверное, пора вставать.

Осторожно высовываю голову из убежища. Рот забит каменной крошкой. От пыли першит в горле. Отплевываюсь чем-то похожим на жидкий цементный раствор. С трудом открываю запыленные глаза и откидываю оказавшимся бесполезным в подобной ситуации забрало.

– Шурик ты как?

В наушниках только потрескивание. Наверно рации совсем капут.

В первую очередь с опаской смотрю на коробочку. В ней и вокруг нее валяются наши маленькие спасители. Наклоняюсь ниже, чтобы рассмотреть малюток. Мертвы. Почти все мертвы. Некоторые мошки еще сучат лапками и подергивают крылышкам.

– Спасибо вам пчелки-мошки, – искренне благодарю их. – И спасибо тому, кто поместил вас в мой ранец. – Я даже не сомневаюсь, что это дело рук Вики. Больше никому.

Поднимаюсь на ноги и громко кричу:

– Шурик, вставай! У пернатых батарейки сели!

Тишина.

Наверное, глубоко зарылся, раз не слышит.

Оглядываюсь, не выпуская из рук карабин. Ну и ну. Вся расщелина усыпана телами.

Мертвы все. Все до единого. Славно поработали пчелки.

Тела лежат там, где их настигли наши крылатые, зубастые друзья. У всех свежих трупов видны отверстия в черепах, из которых на серые скалы вытекает серый мозг. Доминируют два цвета: красный – кровь и небо, серый – мозги и скалы.

Пытаюсь прикинуть количество жертв. Наверное, несколько сотен.

«Да-а, однако серьезное оружие», – думаю я, идя к диспозиции Шурика.

Подхожу и легонько пинаю его ноги.

– Вставай лежебока! Хватит нежиться!

Но он даже не пошевелился.

Обламывая ногти, стараясь не пускать в голову страшные мысли, расшвыриваю камни. Показывается шлем. Полностью вытаскиваю его голову из каменного саркофага убежища.

– Шур! Шур! – трясую его изо всех сил.

Переворачиваю неподатливое тело на спину и в красное, низкое небо устремляются застывшие глаза мертвого друга. Все еще не веря, стягиваю с его головы шлем и отбрасываю в сторону. Он с глухим стуком катится по камням.

– Шурик! Дружище! Ты чего? – тупо твержу, еще не до конца осознав реальность. Ощупываю голову. Рука натывается на что-то мокрое и липкое, а палец проваливается в маленькую дырочку в основании черепа. Поворачиваю голову. Так и есть. Пчелкам все равно кого убивать. Был бы мозг...

Ущелье сотрясается от животного крика. Крика злобы и бессилия. Крика человека за

один час потерявшего двух единственных друзей. Человека, которому больше незачем жить. Эхо, отражаясь от скал, насмехается над моим бессилием.

– Эх, мужики! – шепчу я, стоя на коленях у трупа друга. – Не уберегли вы себя. Не уберегли...

Слезы оставляют чистые дорожки на щеках покрытых каменной пылью.

А ведь как все безобидно начиналось...

Тяжелым грузом наваливаются воспоминания.

Наша эпопея началась с обычного телефонного звонка...

Глава 1.

– Вам, что не спиться, в унитазе сверхновая взорвалась или батарейки в вибраторе сели? – сонно проорал я в телефонную трубку в ответ на ночной звонок. Что за дурная привычка у народа звонить среди ночи и будить мирно дрыхнувших сограждан? – Это не больница, не милиция и не Смольный! – заранее предугадываю возможные вопросы. – А если это не больница, не милиция и тем более не Смольный, то спрашивается, какого хрена вы сюда звоните? Хочется позвонить – звоните в свой дверной звонок, и тихо радуйтесь в свое удовольствие! Неужели все ваши мелочные проблемы нельзя отложить до утра?

– Нет, Витя, до утра нельзя, – проник в мое рассерженное сознание, страдающее дурным настроением знакомый голос.

– Шурик? – как-то неуверенно поинтересовался я у трубки. – Это ты?

– Ага, – буркнула в ответ трубка.

В первую секунду, узнав его голос и получив подтверждение правильности моего узнавания, я разозлился, и высказал в безропотно молчащую трубку все, что думаю в этот момент о нем, о его звонке, и о том, чем необходимо заниматься в это время суток даже в случае отсутствия женщины под рукой. Мой любезный тон и преимущественно нецензурная брань ничуть его не смутили.

Когда мой поток ругани и чистосердечных возмущений иссяк, как пересыхающий в жару ручей, из трубки раздался нервный шепот: – «Мне очень срочно нужна твоя помощь! Дело крайней важности... Я не шучу! Приедешь, все объясню. Извини... Буду на работе.»

На работе?.. Ночью?.. Приехать сейчас?.. Нужен?.. Очень?.. – мелькает в голове сумасшедший калейдоскоп мыслей. – Спасибо, хоть извинился.

На него это совсем не похоже. Шурик довольно культурный и вежливый парень. Как на меня иногда даже чересчур. В процессе длительного общения со мной в студенческие годы культуры у Шурика малость поубавилось, и он стал немного ближе к образу среднестатистического студента, но и того, что осталось было более чем достаточно.

Шурика я знаю уже восемь лет, он относится к той немногочисленной группе людей, которых я называю друзьями. Это я, конечно, преувеличил насчет группы... Друзей у меня всего двое: Шурик и Артем. Обстоятельства сложились так, что все мы живем достаточно далеко друг от друга, но это не мешает нам оставаться друзьями, ведь настоящая мужская дружба неподвластна ни времени, ни пространству. Единственное, что, по моему мнению, может нарушить подобный союз – женщина.

Так вот, о Шурике. Мы вместе проучились шесть лет в университете в одной группе и по окончании учебы продолжали поддерживать дружеские отношения. Любимым занятием всегда было поглощение пива на лоне природы сопровождающееся умными беседами, в основном в моем исполнении. Молчаливый Шурик чаще всего выступает в роли свободных ушей, в которые я, и изливаюсь. А поговорить я люблю, есть за мной такой грешок, особенно при наличии благодарных слушателей, умеющих кивнуть в нужный момент и помолчать, выслушивая очередную порцию моего трепы.

В Шурике смешался букет разномастных кровей: мать татарка, отец русский. Взглянув на него сразу можно заметить, что доминирует кровь уроженки татарских степей. В комбинации с курчавым темным волосом это дает весьма оригинальный коктейль, наводящий на мысли о тесной дружбе.

бе народов. Все это дополняется невысоким ростом, худощавым телосложением и непривычно белой, почти молочной, кожей.

Его характер вошел в наш студенческий фольклор. Есть поговорка «Спокойный как дерево». Мы же говорили «Спокойный как Шурик». Его невозмутимость и спокойствие часто приближались к абсолюту. Он мог прийти к нам в общежитие в гости, и просидеть на стуле, пару часов практически не двигаясь, и не произнеся ни одного слова. При этом он соблюдал выражение лица как у мумифицированного фараона, на котором сочетались абсолютный пофигизм, мысли о бренности бытия и сдаче сопромата в ближайшую сессию. А если учесть, что в это время обычно в комнате вертелось пару, а иногда и больше, симпатичных девчонок, то его невозмутимость можно приравнять к героизму.

И вот этот человек поднимает меня среди ночи и, не смотря на многоэтажные комплименты полученные вместо положенного «здрасте» или хотя бы «добрый вечер», хотя какой он к черту добрый после такой побудки, просит приехать к нему... И не просто приехать, а немедленно приехать как минимум. Причем, чтобы добраться к нему, мне придется преодолеть семьдесят с хвостиком километров ночной трассы и дикое нежелание покидать нагретую постель.

Моему удивлению нет предела, и сколько я не выражаю его, глядя на свое сонное, помятое отражение в зеркале его

не становится меньше, а мне не становится легче.

Повыражавшись еще пару минут, и, не почуяв облегчения, я плюнул в свое отражение, стукнул кулаком по телефону, на что тот в ответ жалобно звякнул, и обречено поплелся умыться, надеясь, что может хоть холодная вода придаст ясность все еще затуманенному сном сознанию.

Моя однокомнатная квартирка на верхнем этаже пятиэтажного панельного скворечника на окраине провинциального города всегда ассоциировалась у меня с тюремной камерой повышенной комфортности. Два шага от входной двери и уже кухня с патрулирующей у пустой миски белоснежной кошкой, еще два шага диван в комнате с телевизором напротив, еще два – сортир типа компакт: сидя на унитазе можно мыть ноги в ванной, а руки в раковине. Воистину квартира со всеми удобствами.

Процедура умывания принесла некоторое облегчение и светлость в мыслях. Вот только непонятно, почему после чистки зубов во рту остался мерзкий привкус мыла.

Взгляд падает на незакрытый тюбик крема для бритья, лежащий рядом с зубной щеткой.

– Мдя! – глубокомысленно сказала мое отражение и скорчило брезгливую мину. – Уже третий раз... Грустно... Надо в будущем обязательно покупать тюбики разных цветов... Хорошо хоть гуталина под рукой не оказалось...

Все еще раздумывая о словах друга, я шатаюсь по квартире, собирая одежду, разбросанную вечером.

Порядок я не люблю и он меня тоже. Уборку я делаю крайне редко и неохотно, считая ее напрасной тратой времени и сил. Поэтому квартира, точнее ее содержимое, находится в постоянном броуновском движении.

— Ага, вот он! — Наконец-то нашелся второй носок. Синий. Опустив глаза на ноги, я с удивлением обнаружил там одинокий черный носок.

— Странно, однако, — задумчиво чешу затылок, вспоминая увиденный накануне фильм о полтергейсте.

До сих пор я был полностью уверен, что носков синего цвета в моем гардеробе не имеется. Может, сосед позавчера спяну забыл или оставил на память как сувенир?

Не помню...

Мы тогда столько выпили его фирменного зелья настоящего на травах, что на каком-то моменте я полностью потерял связь с реальностью попытавшись выйти на балкон покурить через дверь холодильника. Попытка не удалась. Реальность ко мне вернулась лишь к обеду следующего дня в виде мутного доньшка унитаза перед самым носом. Оказалось, что зелье имело страшный откат, проще говоря дикое похмелье. Благодаря этому откату я оставшуюся часть дня провел в месте обретения реальности, пугая соседей страшными звуками эхом разносящимися по фановому стояку. Соседи снизу несколько раз стучались в дверь и орали, что если я не перестану мучить собаку, то они милицию вызовут и настреляют на меня зеленых писовцев. Насчет собаки я тогда не

понял, возможно потому, что пришла пора спеть в унитаз новую похмельную арию. После моего душевного исполнения, соседи стоящие за дверью, пришли к выводу, что собак у меня здесь как минимум две...

– Черт! Может и так сойдет? – говорю сам себе, задумчиво поглядывая на находку чужеродного происхождения. – Снизу ботинки, сверху брюки. Между ними разносортность носков никто и не заметит. Да и вообще, кого мои носки интересуют...

Мой монолог прервала Клеопатра, играющая в коридоре черным носком. Я взял ее на руки, ласково погладил и отобрал игрушку. Сейчас она мне нужней. Кошка недовольно заурчала.

– Не шумите, киса. Меняю носок на Вискас. Идет?

Клеопатра, услышав любимое вкусное слово, спрыгнула с рук и побежала на кухню занимать очередь у миски.

Покормив кошку, и отыскав за креслом светлые джинсы и кожаную куртку, я вышел из квартиры и замер в раздумье перед дверью соседей.

Предстояла процедура упрашивания соседки присмотреть за квартирой и кошкой, ведь неизвестно на сколько я уеду. Ненавижу просить, особенно ночью, без четверти три. В такое время люди обычно не особо расположены к переговорам и порой проявляют агрессивность.

Общение с соседкой прошло на удивление легко. Когда

открылась стальная дверь, рассчитанная на применение тяжелых осадных орудий, и меня накрыла волна перегара от уже знакомого зелья на травках, в которую очень гармонично вплетается гул пьяного трепа, я, не смотря на полу дремлющее состояние, догадался, что соседи точно не спят.

Выслушав мою просьбу, соседка икнула, утвердительно мотнув головой. Обещание выставить по возвращении бутылку за заботы вызвало у нее на лице радостную улыбку и желание чмокнуть меня куда-то в районе лица.

Ее желания совсем не совпали с моими. Я человек не брезгливый, но все имеет определенные рамки.

Уклонившись от слюнявых губ и отрыжки массового уничтожения, даже не знаю сколько тонн в тротиловом эквиваленте, я вежливо откланялся и почти бегом начал спускаться по лестнице сопровождаемый стеклянными совиными глазами соседки, и появившегося в дверях ее собутыльника.

От дома до гаража приблизительно метров триста.

Как на зло, луна предательски нырнула в мутные как соседский самогон облака, оставив меня в крошечной темноте. Предстояло интереснейшее развлечение – ночной маршбросок по перерытой строителями улочке.

Трясаясь и поеживаясь от ночного холодка, я почти бегом преодолел эти метры, виртуозно огибая хищно скалящиеся кусками арматуры ямы и открытые канализационные люки, руководствуясь исключительно инстинктом выживания.

– Браток, закурить не будет? – пробасил откуда-то справа

из темноты непролазных кустов низкий как гудок парохода голос.

– Да что б тебя! – аж икнул я от страха и шарахнулся в сторону, чуть не угодив в яму наполненную водой.

– Ответ отрицательный, – грустно прогудел голос уже мне в спину.

Испуг подстегнул меня по заднице раскаленным прутот, и я проскакиваю последние метры полосы препятствий аки горный козел или профессиональный десантник.

Луна, увидев, что я благополучно преодолел наиболее трудную часть пути, разочарованно высунулась из облака и включила яркость на максимум.

Скрипнув, отворилась дверь, выставив на обозрение горы разносортного хлама ютившегося под стенами по периметру гаража и мотоцикл, стоящий, в окружении этого живописного бардака.

Этот мотоцикл является не без оснований моей гордостью. На его создание, точнее переделывание из древнего «Урала» ушло полгода работы и немало денег.

Я переделывал мотоцикл, глядя на фото довольно старой модели Харлея, скачанное, с какого-то сайта в интернет.

Узкое переднее колесо с дисковым тормозом на удлиненной вилке, гордо увенчивается крылом с бронзовой фигурой леопарда, замершего в прыжке. Каплевидный бак, с встроенной панелью приборов и замком зажигания. Низко расположенное двухуровневое кожаное седло. Вынесенные впе-

ред подножки водителя с педалями переключения скоростей и тормоза. Хромированные пластины, прикрывающие аккумулятор и воздухозаборник. Большие кожаные сумки, набитые всяческими полезностями, по бокам широченного и низкого заднего колеса, принадлежавшего ранее спортивной Хонде. Ну не прелесть ли?

Завести басовито рычащее творение, и выехать оказалось минутным делом.

Глава 2.

– Ч-черт! Только не сейчас! – глухо зазвучал мой голос под шлемом.

Двигатель пару раз сопливо чихнул напоследок и заглох. Мотоцикл поплыл накатом, направляемый руками, закованными в кожу, к обочине.

Печально скрипнули уже требующие замены тормозные колодки, и мотоцикл замер, подняв легкомысленное облачко придорожной пыли. Облачко за клубилось у колес, просочилось сквозь решетку спиц и уплыло, уносимое легким ветром.

Это ж надо такая невезуха! Осталось всего ничего – километров десять-двенадцать до места обитания Шурика и закончился бензин.

Раздался шум мотора приближающейся машины. Я поднимаю руку в надежде на невероятное.

Невероятное осталось таковым и синий москвич промчался мимо, обдав облаком копоти. За лобовым стеклом мелькнуло сонное, угрюмое лицо водителя.

– Ну и черт с тобой! – беззлобно буркнул я вслед. – Вот окажешься когда-нибудь на моем месте...

Оглядываюсь по сторонам.

На редкость однообразный пейзажик. Вокруг степь да степь и тишина... и мертвые вдоль трассы с косами стоят... Тфу! Блин, что это я, только жмуриков вместо придорожных кустиков мне сейчас не хватает.

Чахлые деревца и какая-то сильно болевшая в детстве растительность называемая, скорее по привычке чем по внешним признакам, кустами жалостливо толпятся вдоль асфальтовой полосы, как нищие в ожидании подаяния. На горизонте виднеется крохотная деревушка из десятка домишек, кажущихся с такого расстояния набором спичечных коробков, утопающая в весенней зелени. К сожалению, в столь маленьких населенных пунктах бензоколонок не строят. А жаль... Мне бы сейчас очень пригодилось...

В такое время, начало пятого утра, большинство нормальных людей еще спит. И правильно делает... Я бы тоже не отказался от такого удовольствия...

Кряхтя, слезаю с мотоцикла, стягиваю с головы шлем и медленно начинаю самобичевание.

До чего ж надо отупеть или точнее быть сонным, чтобы забыть заглянуть в бак перед выездом. Ведь минутное дело...

И вот теперь, стоя на трассе, я расплачиваюсь за это минутное дело пустым топливным баком и неопределенным временем ожидания.

— А все этот Шурик! — говорю вслух и со злостью пинаю тяжелым ботинком камень лежащий на обочине. Камень с оскорбленным шелестом скрывается в придорожных кустах. Провожая его мстительным взглядом. От пинка легче не стало ни мне, ни, похоже, камню. — А теперь стой тут, изображая памятник собственной глупости!

Мимо со свистом промчалась пара шикарных иномарок. Я даже не стал поднимать руку. Не та масть. Тяжело вздохнув, провожаю взглядом приземистые силуэты машин.

Достав из кармана пачку сигарет, я закурил и, расселся на остывшей за ночь земле спустив ноги в кювет.

За спиной раздался гул грузовика. Вставать как-то лень, и я помахал рукой, не отрывая джинсового зада от земли. Грузовик, это оказался Газ-53, не сбавляя скорости, промчал мимо.

— Тьфу ты блин, и он туда же! — в сердцах ругнулся я — Что, мне теперь жить на этой обочине или катить мотоцикл километров пять до ближайшей заправки? Да уже через километр этот горячо любимый кусок железа станет моей надгробной плитой с эпитафией «Он не любил физкультуру».

Нереальность этой идеи подтверждается более чем двухсот килограммовой массой мотоцикла и моим далеко не

атлетическим телосложением, давно забывшим, что такое спорт или хотя бы утренняя зарядка.

При росте в сто восемьдесят четыре или пять, уже точно не помню, сэмэ я вешу всего 70 кг. В общем, рама от спортивного велосипеда, скорее всего тандема, только выносливости меньше. Эту саму раму венчает хвостатая голова с продолговатым лицом. Хвостатая, в смысле, волосы длинные, почти до лопаток, собранные в хвост. С такой прической приятно ездить без шлема, тогда на ходу за тобой плещется темный плащ волос.

Не в меру разыгравшуюся самокритику прервал негромкий стон тормозов за спиной.

Вздрогнув от неожиданности, я обернулся.

В метре от моего мотоцикла пристроилась новенькая красная Мазда, или как мой алкоголик-сосед их называет «японамать», по стране производителю. Из открытой двери неторопливо появились женские ноги, а вслед за ними последовали изящной формы обводы тела, от вида которых я мгновенно впал в амнезию – забыл где и зачем нахожусь, усугубленную приступом доброты – простил себе бензиновый склероз а Шурику ночной подъем. Уточнение – амнезия не полная, а выборочная, так как про бензин и Шурика (его счастье, что по телефону нельзя в репу дать) я все же помню.

Такая фигурка, находящаяся в непосредственной близости ко мне, в состоянии компенсировать что угодно... даже ночной бензин и отсутствие звонка... то есть на оборот –

ночной звонок и отсутствие бензина. А если при этом она еще и затянута в облегающие брючки...

Я решил, что еще не проснулся и лежа дома на диване, наблюдаю этот бензиновый кошмар с весьма интересной и даже соблазнительной концовкой во сне. Пока я щипаю себя за руку, сравнивая ощущения боли во сне и реальности, ноги материализовались в симпатичную девушку.

– Привет Стас! – дружески обратилась она ко мне, как бы невзначай принимая позу фотомодели перед камерой.

Состояние непонимания углубилось, несмотря на боль в руке от щипков.

– Э-э-э! Простите... Э-э-э... Но вы... Э-э-э... Это, как его...

Эта интеллектуальная прелюдия в моем исполнении возымела на девушку действие равноценное ведру холодной воды, вылитой на голову.

– Ой! Извините! Обозналась! – слетела приветливая улыбка с ее лица.

Она развернулась и уже готова нырнуть в роскошное нутро своего авто, но замерла услышав:

– Извините. Не окажете помощь? А то застрял тут в дурацком положении...

– Чего вам? – тон сменился на горделиво-надменный.

Ненавижу, когда со мной разговаривают таким тоном. Но, в данном случае особо переборчивым быть неразумно. Выбор между желанием прочитывать курс лекций по этике над-

менной красавице и желанием покинуть эту живописную местность делаю не задумываясь. Засунув воспаленную гордость поглубже, я елеинным тоном почти пропел:

– Не продадите пару литров бензина? А то до ближайшей заправки еще пилить и пилить... А вы единственная, кто остановился за время моего вынужденного простоя. – И уже шутливым тоном добавил, – Моя судьба в ваших руках, точнее в вашем топливном баке. – Изображаю самую лучезарную улыбку, на какую только способен.

– Увы. Ничем не смогу помочь. На моем автомобиле дизельный двигатель, а дизтопливо, как я понимаю, вас не устроит, – произнесла она уже с более дружелюбными нотками в голосе. – А остановилась я только потому, что спутала ваш мотоцикл. Мой хороший знакомый тоже ездит на таком Харлее...

– Вы имеете в виду мотоцикл американской фирмы Harley-Davidson? – перебиваю ее, забыв о вежливости.

Моя гордость, громко булькая и пузырясь, рванулась наружу изо всех щелей мгновенно вспухшего от комплимента эго. Перепутать самопальный мотоцикл с Харлеем можно только в двух случаях: будучи полным профаном в этой области или при внешней схожести моделей. Я искренне понадеялся, что причиной ошибки был именно последний вариант.

– Извините, но вы ошиблись. Этот мотоцикл имеет такое же отношение к Харлей-Давидсону как и Запорожец к ва-

шей Мазде. — Чтобы произнести эту фразу нормальным тоном мне пришлось каблуком придавить орущую и ликующую гордость. — Это обычный Урал, только существенно модернизированный.

— Вами?! — округлились удивлением бездонные глаза, и я понял, что без спасательного круга мне из них не выбраться.

— Да. — Вторым каблуком я еще более жестоко расправился с совестью, которая не хотела принимать комплимент, принадлежавший приблизительно пяти разным спецам в области механики.

— Да у вас золотые руки! — с восторгом произнесла девушка. Ее голос звучит абсолютно искренне, без единой тени насмешки.

От такой похвалы у меня аж дыхание сперло и зашкалило датчик гормонов бушующих в организме. Пока я придумывал встречный комплимент, из-за холма выскочил черный Мерседес, идущий на сумасшедшей скорости.

Девушка шагнула на середину полосы и подняла руку.

— Блин! Дура! Он же за сотню идет! Мокрого места не останется! — забыв о комплименте, рявкнул я, глядя на несущийся навстречу хрупкой фигурке автомобиль.

Дико завизжали тормоза, нарушая утреннюю тишину.

Оставляя черные полосы на асфальте, Мерседес остановился метрах в трех от девушки.

Машина выглядит совсем новенькой, будто всего пару дней как с конвейера. Вот только обилие грязи портит впечатление.

чатление. Терпеть не могу грязные машины. Особенно хорошие грязные машины. Как на меня, это равносильно тому, чтобы повесить дорогую картину и не обращать внимания на скапливающуюся на ней пыль и точки от мух. И картина и хороший автомобиль или мотоцикл по своему искусству. Хоть и разное, но искусство.

«Наверное, только из-за бугра пригнали. А ведь у водителя был крупный шанс конкретно помять передок», – мелькнула в голове совершенно неуместная в данной ситуации мысль.

– Ты че?! Коза,....., твою мать! – заорал бритоголовый крепыш в костюме, вылезая из машины. Открывшиеся задние двери выпустили еще двух таких же квадратных ребят, с перекошенными недоброжелательными мыслями лицами.

– Привет! Ребята, у вас пару литров бензина не будет? Надо человеку помочь...

Ее просьба оказалась для меня полной неожиданностью. И для ребят, похоже, тоже. Их лица и так не обезображенные интеллектом, при ее вопросе стали еще на порядок тупее. А девушка стоит перед машиной, и кокетливо наклонив голову, ждет ответ.

Во влип! Их трое, а я один... И ко всему ребята выглядят весьма спортивно, что уменьшает мои шансы на благоприятное разрешение нарастающего конфликта в случае перехода его в стадию, так сказать, непосредственного контакта. Можно конечно попробовать сыграть в моя хата с краю...

Я то здесь не при чем... Ведь это девушка учинила беспредел на дороге остановив их таких важных и спешащих. Почему я должен выступать чьим-то защитником? В конце концов, я не Дон Кихот и не собираюсь уложить свои зубы и почки на алтарь благородства. А что-то подсказывает мне, что если начнется потасовка, то потом придется реставрировать не только эти органы, а еще и значительную часть ливера вкупе с двигательным аппаратом.

Вот за что себя ненавижу, так это за живущий где-то в глубине души животный страх, вылезающий наружу вот именно в таких ситуациях, требующих проявления решительности и истинно мужской доблести... Потом я обязательно найду себе оправдание... Мол не стоило ради какой-то девушки рисковать собственным здоровьем. Мол, она тебе совершенно незнакома и может даже заслуживает хорошей взбучки. Но это все будет потом. А сейчас во мне борются две силы. Одна требует немедленно и решительно выступить на защиту потенциальной жертвы – хозяйки роскошных ног и красной Мазды. А другая, остаться зрителем в предстоящем линчевании. Предчувствие осколков раздробленных зубов наполняющих рот вперемишку с кровью из расквашенных губ, все больше и больше склоняет меня на сторону второй, менее благородной, но зато значительно более разумной силы.

Пока я решал этические проблемы ребята подошли вплотную.

– Ну и?!! – произнес водитель Мерседеса исподлобья гля-

дя на незнакомку – Какого ты тут выпендриваешься?! Со-
всем девка башню потеряла? Тебя что прямо тут жизни на-
учить? Или как?

В его тоне нет ничего намекающего на дружелюбие.

Симпатичное личико и точеная фигурка девушки не
возымели на него никакого положительного действия. Да,
Дон Кихота он точно не читал. Видать дальше печальной
судьбы Му-му этот молодой парень не ушел.

– Послушайте вы! А повежливей с девушкой можно? –
нерешительно проснулось во мне неизвестно откуда взявше-
ся благородство с мяукающим голосом. Раньше я его как-
то не замечал. На Дон Кихота, конечно, эта фраза не тянет,
но уровня героизма осла Санчо Пансо я точно достиг. С чем
себя и поздравляю. Интересно, какотреагирую собеседники
на мой выпад?

– Гы! Петь, ты глянь! Че это чудило костлявое тут дерга-
ется? Ща я ему в грызлю пару раз заряджу!

Витиеватая тирада одного из пассажиров, адресованная
водителю, точно описала перспективу проведения ближай-
ших минут и определила первый пункт в списке частей те-
ла подлежащих реставрации по окончании этой самой пер-
спективы.

«Не дождется меня сегодня Шурик»! – с грустью подумал
я, делая шаг к мотоциклу, на котором лежит мое единствен-
ное оружие – шлем. – «Ох, не дождется!»

Дальнейшее развитие событий оказалось для меня еще

большей неожиданностью, чем для собеседников.

Незнакомка не произнесла ни единого слова в ответ на заданные вопросы, пренебрежительно хмыкнула и практически без размаха, ударила водителя ребром ладони по шее чуть ниже уха, что мгновенно превратило его в кучу компоста мирно лежащего на дороге.

Пассажир, стоящий ближе к девушке, отреагировал почти мгновенно, с разворотом выбросив в ее сторону ногу. Ребристая подошва замшевой туфли понеслась навстречу пока еще симпатичному личику.

Мелькнула мысль: «Один – один в их пользу. Девушка отмахалась. Таким ударом можно проломить кирпичную стену».

Но она, красиво уклонившись, провела безукоризненный прыжок с разворотом и носок ее кроссовка оставил багровую полосу на лбу атакующего. Парень озадаченно нахмурился, отскочил назад и принял боевую стойку.

Противники начали грациозный танец на обочине. Удар следует за ударом. Парень делает ставку на силу и жесткость стиля, а незнакомка на быстроту движений и прицельность ударов.

И все это в почти полной тишине... Никто не произносит ни слова. Слышны только тяжелые выдохи, сопровождающие удары.

Происходящее напоминает сцену из красивого боевика, а в роли зрителей выступаем я и второй пассажир Мерседеса.

Раунд продолжается. Противник провел серию таранных ударов мускулистыми руками, которые с трудом были отражены незнакомкой. Насколько я разбираюсь в спорте, в стиле боя этого парня наблюдается профессиональная выучка кик-боксера.

Мой собеседник тем временем прекратил созерцание поединка между силой и изяществом и начал предпринимать активные действия.

Я смекнул, что если не начну шустро двигать телом, то меня ждет участь телячьей отбивной. Противник на голову ниже меня, но почти в два раза шире и судя по буграм мышц, выпирающим из-под пиджака, в полной мере может называться «качком».

«Качок» взмахнул рукой, и я почувствовал, как его кулак черкнул по кончику моего носа, проносясь скорым поездом перед лицом.

Мне не понравилось!

Вообще не люблю, когда трогают мой нос. Он довольно большой и весьма выразительно смотрится на худощавом лице.

Решив проявить хоть какую-то активность, я мотыльнул правой рукой куда-то в сторону его ухмыляющегося лица. В ответ раздался звук как от удара молотком по пустой деревянной бочке. Противник проорчал неразборчивую речь, шмыгнул расквашенным носом и грохнулся на обочину. Массивная туша медленно скатилась в кювет и устроилась

там с максимальным комфортом: голова лежит на плоском камне, а колени поджаты к подбородку. Ну прям тебе беззаботно дремлющий в люльке ребенок.

Моему недоумению нет предела. Откель у меня такая силица? Завалить с одного удара такого «качка». Но тут мой взгляд упал на правую руку с зажатым в ней шлемом, на котором расплывается красное пятно. А, так вот в чем дело. Да, удар шлемом в нос выдержит далеко не каждый, тут особая тренировка нужна.

Противник незнакомки отвлекся, обеспокоенный участием попутчика и тут же получил ногой в пах. Глядя на его лицо, я сам поморщился от боли и с трудом сдержался, чтобы рефлекторно не повторить его жест – единственно возможный при таком попадании.

Неспортивно, ох как неспортивно, особенно в исполнении женщины. Но девушка, похоже, не имеет подобных моральных комплексов, и заканчивает поединок парой мощнейших ударов ногой в голову упавшего на колени противника.

– Ну вот! Кажется все! – она устало огляделась по сторонам. Ее взгляд остановился на ногах, в роскошных туфлях с застежками, торчащих из кювета.

– Это ты его туда определил? – поинтересовалась она, переходя на ты.

– Нет, он сам, добровольно. Увидел, как ты месишь его коллег, и надумал добровольно сделать харакири. Меча рядом не оказалось вот он и решил просто трахнуться лбом об

асфальт. Что ему с успехом удалось, – отшучиваюсь, вытирая пучком чахлой, пропитанной выхлопными газами, придорожной травы шлем.

– Молодец! – В чей адрес это прозвучало, я так и не понял, а переспрашивать как-то неудобно.

Поле битвы выглядит колоритно. Две стоящие рядом иномарки и мотоцикл. Два расслабленных тела на дороге и ноги в кювете. И к этому всему парочка, созерцающая результат своей работы. Непонятно какие мысли пришли в голову водителю проезжающего мимо грузовика, но, высмотрев разбросанные тела в окружении крутых машин, он вдавил педаль газа до упора и МАЗ, недовольно взыв мотором, умчал на всех парах.

Мы посмотрели вслед машине, потом друг на друга и рассмеялись.

– Круто ты их! Как в кино! – с восхищением комментирую я события последних мину.

– Пустяк.

– Ну-ну.

– Тебе бензин был нужен? Иди, заправляйся, – махнула она рукой в сторону Мерседеса.

Я потопал в сторону автомобиля поверженной тройцы. В багажнике обнаружилась канистра и помпа с помощью которых я и заправил свой мотоцикл.

Тем временем незнакомка занялась типично женским делом – приведением себя в порядок, глядя в зеркало заднего

вида своей Мазды. Воспользовавшись моментом, рассматриваю ее подробнее.

Чуть пониже меня ростом. На вид лет двадцать пять. Может чуть меньше. Стройная спортивная фигура. Одета в адидасовскую спортивную курточку и одноименные кроссовки. Длинные рыжие волосы собраны в огненный хвост. Приятные, даже более чем приятные черты лица. В нем есть что-то до боли знакомое. Я напряг память. Ага! Вспомнил! Она здорово похожа на некогда очень популярную певицу Сандру. Ну да, почти такой же профиль, смуглая кожа, разве что, горбинка на носу и форма глаз немного отличает ее от звезды.

– Хватит пялиться! – грубо прервала мои раздумья девушка. – Они долго лежать не будут, а повторный спарринг проводить не хочется. Да и завтракать уже пора.

И действительно, парни, лежащие на дороге начинают подавать признаки жизни.

Девушка порылась в бардачке своей машины и достала раскладной нож.

Глядя на поблескивающее лезвие, у меня появилась мысль, что ребятам действительно недолго лежать. Но, развеяв мои сомнения, она направилась в сторону Мерседеса и без раздумий вонзила лезвие сперва в одно колесо потом в другое. Под свист спускаемых шин автомобиль присел на левый бок.

– Все! Поехали! – девушка усаживается в машину.

Я подошел к уже закрытой двери.

– Спасибо!

– За что?

– За бензин и за спектакль. – Я сделал паузу. – Пора бы теперь нам и познакомиться.

Она протянула мне прямоугольник бумаги синего цвета. Пока я недоуменно верчу бумажку в руках, машина плавно тронулась и, набирая скорость, помчалась в нужную мне сторону.

Я провел ее взглядом и вздохнул. Да-а-а. Расскажи кому такое... так ведь не поверят! Не бывает такого в нашей скучной и рациональной жизни. Это ведь не голливудское кино с хитро завернутым сюжетом и прекрасными героинями. Это обычная жизнь обыкновенного человека. Возможно я ошибаюсь, но мне кажется, точнее хочется, чтобы так было, что это дорожное происшествие, или что более вероятно сама девушка, кардинально изменит мою жизнь. Еще не знаю как, но изменит.

Насмешливо улыбаюсь ходу мыслей. Дожились ... В пророчества ударился.

Сфокусировав зрение на синей бумажке, я прочел «Охранное агентство «Хранитель». Номер телефона и адрес электронной почты чуть ниже. А, так вот откуда такие познания в искусстве мордобития. В подобных фирмах салаг не держат. Девушка кто-то навроде телохранителя, или чего они там еще охраняют.

Мои размышления прервала тихая неразборчивая ругань перемежающаяся оханием и стонами. Обернувшись, вижу, что мой противник с распухшим до неприличия носом на четвереньках выползает из кювета, а водитель уже сидит, потирая шею и бессмысленно ворочает глазами. Сперва на мне остановился его левый глаз, а с секундной задержкой и правый. Еще секунда ушла на фокусировку зрения.

– Су-у-ука!!! – нет ни малейшего сомнения, в чей адрес этот комплимент. Потирая пах, и жалобно поскуливая, как обиженный щенок, оторвал от асфальта голову второй противник незнакомки.

Ага! Трое против одного! Пора делать ноги. Тем паче, что корчить джентльмена больше не перед кем.

На то, чтобы натянуть шлем и вскочить на мотоцикл ушло пару секунд. Ребята уже поднялись и медленно пресмыкаются в мою сторону. Похоже, благодарить они меня не собираются. А тут еще водитель заметил изувеченный Мерседес, и его лицо приняло звериный облик.

Ключ в замке повернут.

Они еще на шаг ближе.

Поднята подножка. Нога на педали кикстартера. Только бы двигатель завелся с первого рывка.

Расстояние между нами становится критическим. Хорошо, что они еще не в состоянии быстро двигаться.

Рывок педали кикстартера... И тишина...

– О!!! Черт! – мелькнула в моем возгласе первая нотка

паники.

Глядя в зеркало заднего вида, замечаю, как замахивается водитель.

Еще рывок. Двигатель отзывается приятным ревом. Мотоцикл как лошадь, несущая на спине закованного в сталь рыцаря рвется в бой. Но я не рыцарь, и кожаная куртка не заменит панциря и плохо защитит от тумачков. Левая нога перескакивает на педаль переключения скоростей, рука жмет ручку сцепления. Ну почему я такой медлительный?

Волосатый кулак водителя начинает свой недолгий путь. Я даже знаю, где он закончится, и именно это меня больше всего огорчает.

Щелк, отвечает коробка передач в ответ на нажатие педали. Газ до упора. Мотоцикл срывается с места, чуть не вырвав у меня руль из рук. Противник, соблюдая законы инерции, следует за своим кулаком и не в силах остановиться зарывается носом в асфальт.

Учитывая то, что мотоцикл стоит на засыпанной гравием обочине, веер камней из-под широкого заднего колеса попадает во второго преследователя. Такая встреча не приходится ему по вкусу и он, обхватив голову руками, оперативно пристраивается на асфальт рядом с водителем.

Победно урча двигателем, выруливаю на трассу и набираю скорость. Проехав пару километров, останавливаюсь и достаю из седельной сумки плеер. Пересматриваю ворох кассет лежащих вперемешку со свечами зажигания и инструмента-

ми в седельной сумке и выбираю АРИЮ.

Наушники-капельки в уши и:

Твой дом стал для тебя тюрьмой

Для тех, кто в доме, ты – чужой

Ты был наивен и ждал перемен

Ты ждал, что друг тебя поймет

Поймет и скажет: "Жми вперед!"

Но друг блуждал среди собственных стен...

Дорога, выющаяся змеей, ведет меня к цели. Жму газ до упора, надо наверстывать упущенное.

Глава 3.

Волей судьбы сложилось так, что у нас, троих друзей, подобрались одинаковые профессии, причем никоим образом не связанные с полученным образованием. Шурик работает программистом в бюджетной организации с труднопроизносимым названием. Артем занимается разработкой баз данных в столичной частной фирме и халтурит написанием дипломных работ для студентов-программистов с целью повышения финансового благополучия. Я же вкалываю по совместительству администратором компьютерной сети и программистом в коммерческом банке.

С финансовой точки зрения хуже всех устроен именно Шурик. Организация бюджетная, платят символические деньги к тому же еще и не вовремя.

Если бы он захотел, то нашел бы себе престижную многоденежную работенку. Благо мозги и квалификация позволяют. Но он упорно сидит в своей труднопроизносимой, занимается програмлением и параллельно исполнением общественных обязанностей, заключающихся в написании писем, разноске почты и прочем еще более интеллектуальном труде. Такое поведение оставалось загадкой для всех. Хотя все, наверное, очень просто. Ему лень менять привычный стиль жизни и привычное окружение. В Шурике всегда наблюдались консервативные черты – стремление к стабильности и постоянству.

Когда я подъезжаю к зданию, в котором ютится организация Шурика, город еще дремлет. По улицам дефилируют лишь сонные собаки и патруль милиции. Двое ребят в форме стаскивают с лавочки в сквере еще спящего и, похоже, не совсем трезвого, бомжа за ноги. Бомж – мужчина средних лет, отбрыкивается, как может и вопит что-то о демократии и свободе сна на свободном месте. Милиционерам надоели его цитаты в области прав человека в нашей несправедливой стране, и они вытащили два здоровенных черных аргумента, представляющих собой резиновые дубинки. Они возымели отрезвляющее действие на оратора, и он покорно поплелся в сторону воронка сопровождаемый беззлобными пинками под зад и унылым матом.

С трудом, найдя в лабиринте темных коридоров нужный

кабинет, стучусь. Заранее готовлю набор фраз, которые я выскажу. Люблю слыть остроумным и веселым человеком, но, увы, не всегда удается. Видать больно уж левое чувство юмора.

– Да. Входи Витя, – звучит из-за неопределенного цвета облупленной двери.

– Привет, Шурик! – Ничего не могу с собой поделатъ, люблю давать прозвища, пусть даже и глупые – Готовь тонну извинений и бочку пива, которые в своей совокупности, может быть, оправдают тебя в моих глазах и компенсируют такую раннюю одиссею.

Только закончив свой экспромт, обращаю внимание на комнату и ее содержимое.

Шурик сидит в дальнем углу у окна за включенным компьютером, на экране которого мелькают злобные рожи на фоне средневековых стен.

Ага! По ночам на работе в Квейк рубится.

На столе, рядом с клавиатурой, стоит недопитая бутылка светлого пива, а на полу еще пара пустых.

– Культурно отдыхаешь? Мочишь монстров и запиваешь пивом? – с порога интересуюсь я.

– Ага! Садись. Пиво будешь? – не отрывая глаз от экрана, призывно машет бутылкой Шурик.

– Ты только за этим меня позвал? Чтобы выпить жалкую бутылку пива. Тем более светлого и наверняка теплого. Ты же в курсе, я пью темное и холодное!

Я начинаю потихоньку злиться. Вытащил меня среди ночи непонятно ради чего, а сам тут сидит пиво попивает и в компьютерные игры рубиться, как будто ничего и не случилось.

– Не только...

Его красноречивость и словообилие иногда меня достают. В ответ на сто моих слов он обычно с трудом выдавливает одно от силы два.

– Колись Шурик. Чего меня высвистал? Проблемы?

– Вроде того. Садись.

Он пинком ноги подвинул стул и протянул бутылку.

– Не-е-е. Спасибо. Я за рулем! – решительно отмахиваясь от маняще блеснувшей стеклянной поверхностью искусительницы.

У меня принципов не так уж много, точнее совсем мало. Но после того, как разбился по пьяни мой знакомый, угробив при этом всю семью сидящую с ним в машине, я установил для себя железное табу на совмещение питья и вождения.

Сажу, жду, пока друг начнет выливать наружу свою проблему. Но он не торопится. Вырубил Квейк, поставил диск Металики, отхлебнул пива, и с сожалением глянул на пустеющую бутылку.

В динамиках грустно взывала гитара и низкий гул ударной установки наполнил комнату.

– Тебя, что пытаться надо? Насильственным методом выколупывать из тебя информацию по крупинкам. – Шутливый

тон скрывает мое нетерпение. В голове вертятся мысли, пытаюсь предугадать его ответ. Серьезные проблемы по работе? Или наехал кто-то? Мало ли чего в жизни может случиться... Ну не просто же так он меня сюда вытащил? Причина должна быть очень весомой, чтобы он попросил о помощи.

– Сегодня вечером, извиняюсь, уже вчера вечером, я натолкнулся на факт... Понять его не могу. Бессмыслица полная, – начал, не глядя на меня, Шурик, вертя в руках, уже пустую бутылку. – Совершенно не понимаю...

Я заглянул под стол и обнаружил там еще пару непочатых бутылок. Открыв об край полированного стола одну из них, протянул ему. Острый край крышки отколол кусок лака стола, и я как бы невзначай смахнул его на пол, сделав вид, словно ничего не случилось.

– Да-да. Спасибо. – Шурик жадно присосался к бутылке. – Иду я поздним вечером домой...

– А где это ты по вечерам шатаешься? – съехидничал я.

– Дела! – как ножом обрубил. – Иду через парк возле судостроительного завода. Темно. Комары заедают. Иду, курю. Глаза сами закрываются от желания спать. На работе был тяжелый день. Вдруг из кустов раздается громкий крик. Подхожу. Заглядываю через кустарник. В свете луны различаю лежащую на земле женщину. Судя по животу, позе и крикам, она рожает...

Собеседник, похоже, вошел в состояние легкой алкогольной прострации и говорит, глядя мимо меня.

Я представил эту картину и подумал, что в кусты точно уж не полез. Мало ли кто там мог кричать? Уродов разномастных в наше время хватает... Приставит какой-нибудь обкуранный до крылатых слоников пацаненок заточку к пузу... Вот тогда точно родишь... Родишь так, что окружающие кусты завянут.

Проснувшееся любопытство зашевелилось где-то внутри, требуя продолжения.

Я раскурил две сигареты. Одну сунул Шурику, второй затянулся сам. Потом вспомнил, что мы не на улице и здесь не курят, по крайней мере, именно об этом извещает висящая напротив табличка. Глянул на Шурика, но он никак не прореагировал на клубы дыма, поэтому я снова сделал вид, что ничего не случилось.

– Подхожу ближе. Она открывает глаза и стонет: «Помогите!» «Чем?» – спрашиваю. «Возьми его! Он все скажет! Он посланник! Он сможет! Ради этого погибла целая ветвь!» – шепчет женщина. Бредит. На ее губах появляется кровь. Оглядываюсь по сторонам. Никого. А я в принятии родов не разбираюсь. Думаю – «Надо бежать к заводу. Там у проходной есть телефон. Вызвать скорую». Замечаю, что женщина лежит в луже. Похоже, отошли воды. В кино это выглядит именно так. Женщина начинает громко кричать, и задирает что-то, похожее на платье до пояса... Подробности рассказывать не буду – зрелище мало приятное, после этого и своих детей не захочешь, хоть и не мне их рожать. Все выглядело

весьма мерзко... Много крови слизи и еще всякой дряни.

Да, похоже, ему пришлось действительно не сладко. Принимать роды, тем более в полевых условиях видать штука неприятная, но все-таки это не повод вытаскивать мирно спящего друга из теплой постельки.

– И вот в честь того, что ты стал почетным акушером всех времен и народов я сюда и приехал? – интересуюсь, стряхнув пепел прямо на пол.

– Нет! Главное дальше! – он с удивлением взглянул на зажатую в руке сигарету, как бы не понимая, откуда она взялась. Всласть насмотревшись, Шурик глубоко затянулся и продолжил рассказ. – Стою, держу ребенка на руках. Он молчит. Странно. Вроде должен кричать. Обращаюсь к ней «С вами все в порядке?». Молчит. Вдруг женщина начинает усыхать.

– Как усыхать? – вклиниваюсь я удивлением и сарказмом одновременно. – Шурик, у меня есть дикое подозрение, что ты пытаешься меня довольно неуклюже разыграть. Ты меня знаешь, шутки я, конечно, люблю... но всему есть предел!

– Это не шутка, – тихо буркнул Шурик себе под нос.

– Ну, если это не шутка, то тогда точно пьяный бред.

– Я не пил. – Он тут же себя поправил, – Не пил до..., а вот после да, – он махнул рукой в сторону пустых бутылок.

– Шурик, а ты случайно никакими сексуальными отклонениями не страдаешь? – Друг недоуменно уперся в меня взглядом. – Я тут недавно Зигмунда Фрейда читал. Интерес-

ная между прочем книженция. Очень познавательная. Так вот, он считает, что все наши психологические проблемы от психотравм перенесенных в детстве. Усыхающая женщина... женщина... усыхающая. – Глубокомысленно упираю глаза в потолок, пытаюсь подавить рвущуюся наружу улыбку и придать лицу серьезный вид. На самом деле Фрейда я прочитал всего ничего – страниц двадцать от силы. На большее меня не хватило, но думаю, что даже полученных знаний мне хватит, чтобы вывести Шурика вместе с его необычным приколом на чистую воду. – Шурик, – громко вскрикиваю как бы осененный догадкой, – может ты питаешь тайную подсознательную страсть к мумиям? Если так, тогда явление усыхающей женщины в кустах для тебя нормальное явление. Галлюцинации, вызванные извращенными сексуальными пристрастиями.

Шурки скорчил брезгливую мину и показал мне язык.

– Сам ты мумия с извращенными сексуальными пристрастиями. Как ты не поймешь, что я не шучу? Это все было на самом деле!

– Ну, ладно-ладно. Продолжай. На чем ты там остановился... А, вспомнил! Мол усохла тетка и ... Что там дальше было? Как она начала усыхать? – Как это ни странно, но, похоже, Шурик действительно меня не разыгрывает. Ладно, не буду делать предварительных выводов, лучше дослушаю бабенку до конца.

– Становиться меньше в объеме, съеживаться. Это дли-

лось секунд тридцать... Может больше. На траве остается что-то похожее на трухлявое полено длиной приблизительно в метр и диаметром сантиметров тридцать-сорок. Удерживая ребенка, наклоняюсь, чтобы рассмотреть этот предмет. Коснуться боюсь. Чертовщина какая-то происходит. Налетает легкий порыв ветра. Полено превращается в тучу легкой трухи и часть ее ветер уносит в сторону завода.

– А ребенок? – Я еще не знаю верить или нет. Но знаю точно, что Шурик мне никогда не врал. По крайней мере, до сих пор...

– Ребенок мокрый и дрожащий у меня на руках. Молчит. «Надо его во что-то завернуть, а то замерзнет» – догадался я. Ложу его на землю и начинаю стягивать с себя рубашку. Ребенок – мальчик, лежит на освещенном месте. Случайно замечая, что с ним, что-то не то. Он слишком худой и длинный для новорожденного. И потом немного несвойственная детям мускулатура и телосложение вообще. Он похож на взрослого чересчур стройного и высокого мужчину, только в миниатюре. А уши и глаза... – Шурик замялся, ища подходящее слово.

– Что? – Происходящее выглядит как дурацкий розыгрыш, но лицо рассказчика, точнее, выражение на нем полностью опровергает эту гипотезу.

– Уши острые, а у глаз внешний угол изогнут вверх! – выпаливает он. – Вот что! Как у эльфов из сказок!

– Как у эльфов, – эхом повторяю я, вслушиваясь в непри-

вычное звучание слова превратившегося из сказки в быль.

Похоже нервы у него на пределе и только выпитое пиво удерживает от срыва.

– И говорит мне...

– Кто говорит? Ребенок? Ты часом с катушек не съехал? Тебе чертики по вечерам не являются? А зеленые человечки верхом на бутылках пива? – чуть ли не вскочил на ноги я от избытка эмоций.

Странно, но меня больше удивляет не то, что произошло с женщиной, а то, что новорожденный младенец разговаривает.

Шурик умолк и посмотрел на меня грустными раскосыми глазами. Под его взглядом я утих. Он подождал еще немного, отхлебнул пива и продолжил, не замечая моих слов.

– Дословно не помню, но сказал приблизительно следующее «Вы должны им помочь. Вы должны исправить ошибку. Только люди усмирят гниль и не дадут древу умереть. Возьми самых близких тебе, но не более пяти. Вы уйдете отсюда через неделю. Вас поведет древо. Вы корыстны. Вас вознаградят. Они будут щедры, очень щедры. Мой выбор слеп. Ты обязан помочь». Мальчик говорил очень неприятным голосом. Голосом очень старого и беззубого человека. Все это кажется невероятным, но я, сам не знаю почему, поверил... Поверил всему. Это глупо... Но я привык доверять своим глазам и ушам. Теперь не знаю, что делать дальше. Поэтому я сразу вернулся на работу и позвонил тебе... Ну, как? По-

можешь?

– Помогу? В чем? Вылечить от шизы я тебя не смогу, а вот знакомство с первоклассным психиатром обеспечу! Если же это была шутка, то, не смотря на свою миролюбивость, сочту за честь дать тебе в глаз! – забушевал я, но невозмутимость и уверенность в собственной правоте в глазах друга заставляют меня умерить пыл. – А с мальчиком то что? – спрашиваю, немного утихомирившись.

– То же, что и с женщиной. Холмик трухи по окончании разговора.

– А случайно фотографий или видеозаписей процесса исчезновения у тебя не сохранилось? – опять проснулась моя извительность. – Факты, Шурик! Факты!

Я победно откинулся на спинку стула и затянулся очередной сигаретой.

– Есть у тебя факты? А? Ну, хоть малюсенький такой фактусик? – Я раскачиваюсь на задних ножках стула, нагло поглядывая на угрюмого собеседника.

– Есть! – резко наклонившись ко мне, вплотную выдал друг.

От неожиданности я потерял равновесие и грохнулся вместе со стулом на пол. Сигарета выпала из губ и прожгла дыру в синтетическом коврике на полу. Глядя на ставшую радостной физиономию Шурика, я очень тихо спросил:

– Что, правда?

– Ага!

Я вскочил на ноги. С хлопком катапультировалась крышка с последней бутылки пива, и я с жадностью припал к горлышку, забыв о давно установленном табу, которое кстати до сих пор не разу не нарушалось, но все когда-то бывает впервые.

Верю! Это глупо, но я ему верю.

Вот это да! Это покруче будет, чем наше последнее приключение – участие в группе спасателей-спелеологов, разыскивавших в подземных лабиринтах пещер парочку дилетантов, возомнивших себя первооткрывателями глубинных пространств. Выходит что – два супермена спасают... Кого мы там спасать будем? А какая, черт возьми, разница! Главное что спасать! Что такое древо и тем более гниль я не имею ни малейшего представления, но это никакой роли не играет.

От будущих перспектив закружилась голова. Неведомый мир, поработенный темной силой, стонет под гнетом захватчиков или еще кого-нибудь. А тут я с Шуриком на крутом гравитационном танке с бластерами в руках. Бац, бац! Мозги красивым веером на стену, и хана захватчикам. Трибуны приветствуют победителей. Туш! Овации! Полуголые девушки с букетами цветов и роскошными формами обнимают и целуют! Толпа несет на руках! И в конце пути объемный финансовый приз плюс бессрочная путевка на все галактические курорты.

Вынырываю в реальность.

– Показывай. Где это? – от нетерпения задрожали руки. – Что это? Давай! Давай! Не тяни резину, а то потом внеплановые дети появятся!

– Тут! – замогильным голосом говорит Шурик.

Я ожидаю увидеть какой-нибудь чужеродный предмет. Что-то из другого мира. Что-то такое... такое... необычное... неземное. Чтобы увидел и моментом с копыт от восхищения.

Он достает из кармана спичечный коробок и протягивает мне.

Открываю дрожащими раками в предвкушении чуда. И не просто чуда, а ЧУДА. Содержимое – серый порошок на доньшке сильно пахнувший свежевспаханной землей.

– Ну и? – разочарованно протянул я, ожидавший совсем другого.

Ничего не говоря, Шурик подходит к подоконнику, на котором в глиняном горшке стоит кактус. Маленький такой, сморщенный. Наверное, воды почти никогда и не видел. В общем, живет в условиях максимально приближенных к природным.

С таинственным видом Шурик посыпал порошком растение и землю вокруг него и замер в ожидании.

Стоим. Ждем. Смотрим на кактус.

Начинаю чувствовать себя как минимум обманутым ребенком. Вместо продукта нечеловеческой технологии я получил кучку какого-то вонючего удобрения.

По истечении пары минут и большей части моего терпения кактус начинает расти на глазах. Его размер увеличивается более чем в три раза, и вид становится поздравнее. Длинные иголки хищно торчат в разные стороны как острые копыя. Даже не скажешь, что еще несколько минут назад это был чахлый комок покрытый еле заметными штырьками.

Недоуменно качаю головой не находя слов. Ну и ну! Действительно, правда!

– Этот порошок – останки ребенка. Труха, которая от него осталась, – чуть ли не суеверно шепчет Шурик.

– А почему так мало? – с сожалением заглядываю в опустевший коробок.

– Все остальное очень быстро впиталось в землю. И почти сразу начали расти трава и кустарник на которые попал этот порошок. Когда я оттуда уходил, то вместо маленькой полянки с низкой травой были заросли кустарника вперемешку с травой по пояс, – не отрывая взгляда от кактуса-акселерата, отвечает Шурик.

В комнате воцарилась тишина. В голове мыслей как кур в курятнике, но путевых, как на зло, ни одной. Кактус как магнит притягивает взгляд. Разум, заглушенный сказочной реальностью, пытается строить какие-то опровержения, доказывать нереальность этой самой реальности, но предчувствие небывалых приключений захлестнуло меня с головой, отвергая напрочь логические доводы.

– Что будем делать, Витя? – нарушил друг гробовую ти-

шину.

– Не знаю. Пока, не знаю. Надо подумать, – сдвигаю плечами не в силах родить путевую идею.

Пустой желудок напоминает о себе грустным урчанием.

– У тебя тут есть чего пожевать? – спрашиваю с надеждой. – Мистика – мистикой, а кушать хочется всегда.

– Нет. Тут поблизости есть продуктовый магазинчик. Китайцы открыли. Работает круглые сутки. Но я не при деньгах. Остаток зарплаты ушел на пиво, – машет он рукой в сторону пустых бутылок.

–

Поехали. Я угощаю! – царским жестом указываю на дверь. – К черту магазины!

Лучше в какой-нибудь забегаловке пошамаем.

–

Есть тут одна, – радостно кивнул Шурик. – Кормят вкусно и главное не дорого.

Я понимаю его радость. Носить груз таких невероятных знаний одному слишком

тяжело. От таких фактов не то, что голова кругом.... крыша съехать может. Но стоит лишь поделиться грузом с другом и сразу же на душе становится легче. Ты чувствуешь, что ты не один и всегда можешь рассчитывать на помощь. В общем-то, для этого друзья и существуют.

Сидя в маленьком круглосуточном кафе и поглощая горячие пельмени, обсуждаем произошедшее. Мы уже смирились с фантастической реальностью и приняли это за факт. Теперь осталась самая малость – придумать, что делать дальше.

– Ну что? Пожалуй, пора собирать команду, – выражаю свое мнение, оторвавшись на миг от тарелки.

– Согласен. Кого берем? Артема? – культурно вытеревшись салфеткой поинтересовался Шурик.

– Думаю я сумею выманить его из столицы. Тем более, что выманивать буду большой и сладкой конфетой, – довольно ухмыляюсь, представив процесс выманивания нашего умника.

– Звоним?

– Нет. Пошлем письмо электронной почтой. Быстрее будет. У него письма дублятся и на дом и на работу. У тебя на работе электронную почту еще за долги не отключили?

– Нет, – хмыкнул Шурик, – Но обещают.

– Тогда жуем и едем писать. – Полностью погружаюсь в процесс поглощения пищи.

– Еще что-нибудь? – материализовалась у столика белокурая официантка.

– Пожалуйста, два двойных кофе.

Только сейчас, глядя на удаляющуюся официантку, я вспоминаю об утренней истории на трассе и незамедлитель-

но излагаю ее в красках Шурику. В процессе рассказа сюжет немного изменяется, и я превращаюсь в такого благородного защитника бедных владельцев Мазд.

Шурик, смакуя кофе, внимательно слушает меня, не перебивая.

– Да-а! Везет тебе Витек на приключения! – завистливо высказался он в конце моей речи. – Ты хоть знаешь, как ее зовут, или как найти?

Протягиваю синюю визитку.

– Это все, что есть.

– Негусто. Будешь ее искать? – повертел он перед глазами синий бумажный прямоугольник и вернул мне.

– Вряд ли... Не та масть, – вздыхаю с огорчением, вспомнив рыжеволосую в подробностях. – Крутить роман, с такой девушкой имея на кармане лишь жалкую зарплату инженера-программиста в забытом Богом периферийном городке? Да я в приличном ресторане даже за себя расплатиться не смогу, а за нее тем паче. А судя по роскошному автомобилю, у девушки либо очень хорошо оплачиваемая работа, либо, что вполне вероятно крутые предки. – Вполне возможен вариант состоятельного мужа или любовника, но об этом мне почему-то думать неприятно.

– Угу. Ты у нас гордый, – беззлобно поддел Шурик.

– Не гордый, а независимый. Это немного разное, – поправляю его. – Стать альфонсом? Так я же скорее на собственных шнурках повешусь, чем допущу, чтобы девушка за

меня пусть даже в том же ресторане заплатила! Никогда в жизни!

Счет оплачен, пельмени съедены, кофе выпито, в этом заведении нас больше ничто не задерживает. Тяжело переваливаясь с боку на бок, мы, как бомбардировщики, нагруженные пельменями, на бреющем, чуть ли не касаясь животами земли, направляемся к выходу. На прощание подмигиваю белокурой официанточке и получаю в ответ озорную улыбку.

Надо будет в это кафе как-нибудь еще заглянуть. И кормят вкусно и вообще...

В дверях Шурик неожиданно спрашивает:

– А если ее приобщить к этому проекту?

– Кого ее? – не понял я, погруженный в мысли об официантке.

– Ну эту... Твою супер-герл из охранного агентства. Девчонка видно боевая. А ребенок говорил об усмирении. Часто это предполагает применение силы...

– Уговорил! Сперва пишем письмо Артему, потом ищем герлу, – обрадовался я поступившему предложению.

На мгновение я задумался над предложением друга и тем как это будет выглядеть. Предлагать практически незнакомому человеку участие в фантастической аванюре? А не слишком ли это глупо?

«Все будет нормально. Она лишь этого и ждет.» – шепнул из глубин сознания чужой голос, заставив одним махом отбросить все сомнения.

И вообще, чего тут думать? Делать надо, а не грузнуть в беспочвенных сомнениях!

Идем к стоянке, где припаркован мотоцикл и видим группу восторженно галдящих подростков окруживших моего железного коня.

С гордым видом расталкиваем толпу.

Шлем на голову. Ключ в замок зажигания. Двигатель просыпается с первого рывка кика и недовольно бурчит. Уматываемся на сидениях. Первая. Поехали.

Вливаемся в поток машин спешащих по уже окончательно проснувшимся улицам.

Лавируя между автомобилями, отправляемся на работу к Шурику, провожаемые восторженными взглядами подростков.

Приятно, черт возьми, ездить на хорошем мотоцикле!

Глава 5.

По приезду на работу Шурик с обреченным видом поплелся в бухгалтерию выпрашивать внеплановый отпуск. Битва ему предстоит немалая. Главбух – пожилая и весьма своенравная женщина с на редкость колючим характером и сталинскими замашками. Этаким маленький тиран, которого панически боятся все, включая начальника этой организации.

Любимой темой для нравоучений у главбуха всегда бы-

ла экономия. Она строго следит за количеством горящих лампочек, включенных компьютеров и жестко пресекает все возражения о том, что темно или надо работать коронной фразой «Экономика должна быть экономной». В конце каждого месяца Шурик предоставляет ей счет от провайдера за услуги интернет и тогда начинается истинный шторм. Будучи ярким приверженцем антикварных счет и карандаша она категорически отказывается признавать полезность современных технологий.

И вот на бой с этой мегерой и ушел сейчас Шурик. Пока он ведет осаду оплота консерватизма, я занялся написанием и отправкой письма Артему.

На это нехитрое дело ушло времени значительно больше чем ожидалось. Старенький модем, украшенный пестрой наклейкой от жевательной резинки, потрещав, наконец-то дозвонился до провайдера, и килобайты данных тоненькой струйкой потекли к почтовому серверу, на котором находится почтовый ящик Артема.

Из соседней комнаты раздался завывающий голос главбухши и тихий голос оправдывающегося друга.

– В отпуск? Непущу-у-у! Нет, нет, и не уговаривай меня! – трубно взвыл за стеной паровозный гудок. Треснув, под толчком отклеился кусок обоев, и на пол посыпались остатки засохшего клея. Радио, тихонько шептавшее с пыльного шкафа, запнулось на полуслове и испуганно умолкло.

– Мирному населению приготовиться к эвакуации, – ти-

хонько буркнул я, впечатленный цунами, бушующим в соседней комнате. – Мы будем помнить о тебе, дорогой товарищ! – Эта фраза, позаимствованная из какого-то старого фильма, адресована Шурику, борющемуся со стихией.

Хорошо, что я вовремя ушел в отпуск и еще месяц могу не появляться в своем банке.

Не в силах больше выносить эти истошные вопли за стеной я отправляюсь на улицу. Закрывая дверь в комнату, взглянул на наш подопытный кактус. Удивительно, но он снова стал маленьким и сморщенным. Мистика! Или порошок имеет лишь кратковременное действие, или... Или что-то здесь не так. В голове промелькнула смутная мысль на тему иллюзий, вспомнилась недавно прочитанная статья о природе миражей, но тут же как-то сама по себе быстро потеряла значимость, уйдя на второй план. В душе осталось лишь ощущение легкого беспокойства.

Выйдя на улицу, я пристроился на седле мотоцикла и вытряс из пачки последнюю сигарету. Заклубился сигаретный дым, окутывая меня бесформенным облачком. Вместе с дымом за клубились и мысли.

Как дети... Нам подсунули красивую игрушку и мы, не раздумывая, ухватились за нее, совершенно не задумываясь о последствиях. Что будет через неделю? Кому мы так нужны? И чем мы, самые заурядные представители человечества можем помочь силе имеющей такие возможности? Или все эти возможности всего лишь мишура, показуха? Все выяс-

ниться через неделю... Или не выяснится... Но, что точно – нас ждут небывалые приключения и если они удачно закончатся есть шанс забыть о опостылевшей работе и жить так, как подобает человеку, а не влечить жалкое существование от зарплаты до зарплаты. Самое тяжелое дожидаться конца недели.

Ненавижу ждать!

Я успел купить пачку сигарет и уже пару выкурить, когда из дверей появился взъерошенный Шурик. На его лице сияет победная улыбка. Величественно ступая, необычайно гордый собой, он спустился по ступеням.

– Наша взяла! После того, как пригрозил увольнением – согласилась! Со скрипом, но согласилась. Дай сигарету.

– Этот рев ты называешь скрипом? – хмыкнул я и, не вставая, протянул ему пачку сигарет. – Да после такого скрипа иерихонские трубы милицейскими свистками покажутся.

Сейчас Шурик напоминает бойцовую собаку после победной схватки. Если бы у него был хвост, он бы держал его пиштолетом.

– Поехали искать твою незнакомку. Я тут у коллеги узнал, где находится это агентство, – преподнес он с гордым видом новость. – Найдем быстро.

– Поехали! – Двигатель басовитым гулом выразил радость своего хозяина.

Опять вливаемся в плотный дорожный поток.

На светофоре стартуем первыми, жестко подрезая потре-

панний Форд. Вырываясь вперед, слышим за спиной скрип фордовских тормозов и красноречивые комментарии в адрес меня и моего стиля вождения. Обычно я веду себя на дороге очень корректно, но сегодня, в свете последних событий в душе просыпается мальчишеское лихачество.

Шурик рукой указал направление, и я чуть не проскочил нужный поворот. Низко наклонив мотоцикл, на грани юза входим в вираж. Шурик крепче цепляется за мою куртку, и что-то неразборчиво бормочет за спиной.

– Вон! – перешел он с бормотания на нормальную громкость. – Туда!

Я уже и сам рассмотрел в конце улицы красивое здание из красного кирпича с декоративными башенками по углам.

Высокие стрельчатые окна защищены витыми стальными решетками, напоминающими сплетение реальных растений. Ничего не скажешь красиво. Дом напоминает маленькую средневековую крепость, словно вырванную из паутины времени каким-то волшебником и водруженную в нашей реальности как молчаливый укор вырождающимся потомкам потерявшим дух благородства и романтизма.

Над массивной дверью, украшенной наверняка декоративными металлическими полосами, виднеется крупная вывеска «Охранное агентство «Хранитель». На маленькой автостоянке возле входа ютится несколько иномарок, в том числе и знакомая Мазда. И из двери выходит Она... чей манящий образ дразнил мое воображение с момента встречи

на дороге.

Вместо того, чтобы сбросить скорость, я подстегнутый каким-то проснувшимся в глубине чувством наоборот выжал ручку газа. Мужчина в строгом костюме, сядившийся в иномарку на стоянке, прервал этот процесс и с любопытством посмотрел в нашу сторону.

– Банзай! – вырвался у меня крик, заглушенный шлем.

– Опять! – простонал мой пассажир. – Только не это! Ты что без показухи жить не можешь?

Она тоже заметила нас и на лице вспыхнула улыбка. Еще более подстегнутый таким лучезарным приемом я прибавил газу, глядя только на ее улыбку.

– Витек! Тормози! – взвыл рассудительный Шурик ненормальным голосом.

От такого вопля я мигом отрезвел и понял, что если ничего не предприму в ближайшую секунду, то в следующий раз увижу эту улыбку лишь в травматологии или ... тьфу, тьфу, тьфу.

Нога вдавливая педаль тормоза до упора. Выравниваю занос и стараюсь, не потерять вертикальность. Кувыркание по разогретому дневным солнцем асфальту далеко не приятная процедура. По собственному опыту знаю.

Все! Хана! Отчаяние заполнило сердце.

Инерция бросает тело вперед. Сжимаю крепче коленями бак, чтобы не оказаться бегущим впереди мотоцикла.

Шурик врезается лбом в закованный в шлем затылок и с

хрюканьем выезжает по моей спине куда-то на уровень лопаток, по крайней мере, мне именно так и показалось.

Остаются считанные метры. Потом бордюр, стена и ...

Мельком вижу ее лицо. На нем застыла маска страха. Страх за нас. За меня! В последнюю секунду, за несколько метров до бордюра замечаю тропинку, поворачивающую вправо вдоль здания в кустарники.

Руль вправо. Выбрасываю ногу, удерживая мотоцикл от падения. Поворот. Мы проносимся почти касаясь задних бамперов припаркованных у здания автомобилей.

Мотоцикл останавливается, погружившись передним колесом в кустарник. Сквозь растительность впереди проглядывает котлован строящегося здания, с торчащими сваями.

– Глянь как круто нам повезло! – с радостной улыбкой на лице поворачиваюсь к Шурику.

– Все я с тобой больше не ездок! – отзывается он, возвращаясь к нормальному цвету лица и придавая восточным глазам привычный горизонтальный разрез. – Я в последнюю секунду чуть под себя не наделал, – добавляет, слезая с седла.

– Но ведь все нормально? – с легкой насмешкой интересуюсь я.

– Я же сказал чуть! – зазвучала скрытая обида в его голосе.

– Да я не о том... Твое чуть без всяких проблем отстирывается, – отмахиваюсь и давлю предательски рвущуюся на свободу улыбку, боясь обидеть друга. – Я о поездке.

– Все-е-е-е! – категорически замахал руками перед моим

лицом Шурик. – И не уговаривай больше с тобой ездить. Я не хочу умереть молодым из-за твоего стремления выглядеть крутым перед понравившейся девушкой. Ты, наверное, иногда забываешь, что уже далеко не подросток. Так вести себя нельзя. Это – во-первых опасно для окружающих, а во-вторых – просто несолидно.

– Ладно, Шур замяли. Больше не буду, – примирительно похлопываю его по плечу.

Оборачиваюсь в надежде увидеть ее спешащей к нам. Волна разочарования накрывает меня с головой. Мазды на стоянке нет. Когда она успела? Вот черт!

Слезаю с топливного бака, на который выполз в процессе торможения. Да-а-а, ничего не скажешь, показал себя идиотом во всей красе.

Когда мы подъезжаем к стоянке охранного агентства, нас там ждет одинокий зритель – мужчина, который сажился в машину в начале нашего слалома.

– Ну ребят и цирк вы тут устроили! Вы как, совсем того или частично? – поинтересовался он, красноречиво крутя пальцем у виска. Жест не оставляет сомнений по поводу его мнения относительно нашего показательного выступления.

– Не-е! Я чуть-чуть. А вот он совсем, – язвит из-за моей спины не в меру разговорчивый и веселый Шурик. Вот оказывается, как влияет на серьезных людей возможность продлить свою жизнь.

– Извините, – начинаю я как можно вежливее, делая вид,

что совершенно не обратил внимания на явное оскорбление. – Вы не подскажите, кто такая владелица Мазды, уехавшей минутой назад?

– А, вы о Вике, – мужчина с любопытством взглянул на меня...

Значит Вика... Ну вот, красавица я уже знаю о тебе довольно много. Все мысли о других мирах и сражениях мигом выбиваются из мозгов звуком ее имени. Ох уж эти женщины! Вечно сбивают меня с пути истинного. Сколько раз уже давал себе обещание, что буду более сдержан в проявлении чувств по отношению к прекрасному полу и все безуспешно. Нет, я не Казанова. Ни в коем случае. Просто я преступно легко увлекаюсь, и это касается не только женщин. Стоит появиться интересному делу, и я тут же окунаюсь в него с головой, забыв обо всем остальном. К сожалению, подобные увлечения слишком кратковременны. Из-за этого большинство начатых дел остаются незавершенными.

Глава 6.

В течение двух дней я безуспешно пытался пересечься с Викой. Попытка зайти в офис охранной фирмы и поинтересоваться домашним телефоном девушки разбивались о монолит груди гориллоподобного охранника. В общем, дальше фойе мне пройти таки не удалось, телефон не дали, далеко-далеко послали в ответ на пожелание увидеть интересу-

ющую меня сотрудницу. В третье посещение пришлось retirоваться, сопровождаемому обещаниями при следующем визите повыдергивать ручки да ножки. Учитывая то, что ручки, а тем более ножки мене пока нужны и в комплекте запасные не прилагались, я решил временно прервать активные действия по штурму офиса и отправиться домой для подготовки к путешествию.

Нет, эти угрозы ни в коей мере не охладили мой пыл, а наоборот даже подогрели интерес, просто, как говорили древнеримские полководцы, если не можешь победить прямо сейчас – сделай паузу и съешь твикс... тфу ты, при чем здесь твикс? Правильно говорить сделай паузу и отступи для перегруппировки сил. Нет, так тоже не правильно... Ну и черт с ними с этими полководцами и их древним трепом.

Дома меня как всегда ожидал конкретный беспорядок, а неприятный запах из кухни наводил на мысль, что грязную посуду нужно мыть, а мусор выносить вовремя пока они еще не превратились в оружие массового уничтожения.

Учитывая неопределенность миссии, набор вещей в видавшем виды брезентовом рюкзаке получился очень колоритный. Начиная от плавок в комплекте с солнцезащитными очками и заканчивая шерстяным свитером, дополненным упаковкой лекарства от насморка.

Беспрестанно бурлила мысль о необходимости более или менее серьезного оружия. Но где его взять это самое бур-

ление не подсказывало. Пришлось ограничиться тяжелым охотничьим ножом в самодельных кожаных ножнах.

Так, что еще? Аптечка, компас, старый военный бинокль. Вот и все.

Берегитесь темные силы! Я иду! То есть мы идем! Вот только совсем непонятно куда и зачем. Хочется верить, что не туда, куда обычно посылают.

Попытки проанализировать события, произошедшие с Шуриком, успеха не принесли. Сплошной бред и неувязки. Каким деревьям помогать? Чем? Поливать их что ли? А эффективное исчезновение матери с младенцем вообще походит на происки Копперфильда. Но эту версию можно сразу же отбросить, так как, насколько мне известно, гастролей этого фокусника в нашем регионе не было.

Полное отсутствие умных мыслей очень огорчало. Но что есть, то есть. Куда вляпались, оттуда и будем выгребать. Тем более, что обещали гонорар, а это немаловажный фактор в предстоящих событиях.

Моя кошка Клеопатра недоуменно металась по квартире с нервным выражением на морде не понимая, куда собрался хозяин. Ее недоумение и сожженные нервные клетки я компенсировал миской мясного корма.

Уладив все вопросы с присмотром за квартирой и пропиской кошки у соседей, утром третьего дня я выехал из своего захолустного городка в сопровождении эскорта собак весьма шумно проявлявших неприязнь к моему средству передви-

жения.

Мчась по дороге на мотоцикле, я постоянно поглядывал в зеркало заднего вида, надеясь увидеть знакомую Мазду. Проезжая место недавней потасовки с владельцем черного Мерседеса и компанией ухмыльнулся, вспомнив как хрупкая с виду девушка от души приласкала крепышей. Да, Шурик, пожалуй, прав, человек с такой подготовкой будет в команде совсем не лишний, пусть даже это и женщина. Остался сущий пустяк – встретиться с Викой и уговорить ее принять участие в нашей аванюре, и при этом не дать ей из сострадания вызвать дурдомовскую машину.

Глава 7.

Дома у Шурика меня уже ждал Артем. Он приехал вчера вечером и был уже в курсе всех последних событий.

Артем – довольно таки интересная личность. Из нас троих он наиболее талантливый программист, по крайней мере, он так всегда говорит, и хороший эрудит во многих областях.

Выглядит он постарше нас, хотя мы все практически одинакового возраста. Мне двадцать семь, а ребятам по двадцать шесть. Он и внешне повнушительнее будет, чем мы. Чуть ниже меня ростом, но значительно шире в плечах Артем кажется почти атлетом. Картину портит только нарастающая, пока в начальной стадии, обрюзглость, вызванная сидячим образом жизни и полнейшим пренебрежением к фи-

зическим упражнениям. Круглое лицо с мелкими, невыразительными чертами под прилизанным чубчиком дополняет его портрет.

Его характер можно описать фразой – дотошный, заумный да плюс еще и вредный зануда. Не многие люди в состоянии долго переносить его общество. Я же его знаю более двенадцати лет, и все эти годы он являлся моим лучшим другом, которого всегда уважал за ум и надежность. А уж сколько пива было с ним выпито за эти годы....

– Мудаки! – вместо приветствия пробурчал Артем, увидев меня на пороге квартиры. В отличие от Шурика избытком вежливости он совершенно не страдает. – Великовозрастные детишки, вам бы в козаки-разбойники играть, а не программистами работать! Ну что, очень весело? Чего молчишь? Приколисты хреновы! Из-за такого низкосортного розыгрыша вы сорвали меня с работы как раз в процессе окончательной отладки заказной программы. Мы ее два месяца для совместной с финнами фирмы разрабатывали! Вы знаете, сколько мне должны заплатить за нее? – он обжег нас презрительным взглядом. – Пообещал мне в письме золотые горы... Я все бросил! И что взамен? Куча шизоидного фуфла! Говенный спам и сплошные бэды! Дешовка из желтой бульварной прессы, написанная правой задней ногой в доску пьяного журналиста.

М-да. Бедный Шурик, похоже, ему не сладко было. Если Артем до сих пор кипятится, то представляю, что происхо-

дило при их встрече. Везет Шурику. Недавно на нем отрывалась главбугша, теперь вот Артем мозги полирует с вчерашнего вечера.

Жму руку Артему, приветствуя и ничего, не говоря, направляюсь в дальний угол комнаты. Разваливаюсь поудобнее в кресле и жду пока он спустит пар. Шурик гремит тарелками на кухне, готовит завтрак. Артем недовольно ораторствует еще минут пять. За эти пять минут я узнаю о себе и Шурике довольно много нового. Некоторые комплименты даже заставляют меня брезгливо поморщить нос.

После того, как он иссяк, еще тридцать минут мне понадобилось, чтобы убедить его в правдивости истории Шурика. По мере моего рассказа выражение на его лице меняется от недоверчиво-презрительного до радостно-изумленного.

– То есть, ты хочешь сказать, что все, что мне рассказал Шурик истинная правда? – все еще недоверчиво интересуется он, озабоченно пригнувшись к ползущим из кухни аппетитным запахам.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы Шурик врал? – устало интересуюсь я. Все-таки убеждать довольно тяжелое занятие.

– Нет, – отрицательно качает он головой.

– А я?

Артем широко улыбнулся вместо ответа, чем весьма меня удивил. До сих пор я считал себя довольно правдивым человеком... почти правдивым... нет, все-таки он небезоснован-

но улыбается.

– Повторяю тебе уже в сотый раз – все, что ты услышал от нас истинная правда. Ну, какой смысл нам тебя разыгрывать?

– Ну, мужики вы даете! – восторженно проорал он уверовав и, потирая руки, умчался на кухню дегустировать стряпню.

Основной его слабостью всегда была и остается пища. Абсолютный раб желудка. В качестве аргумента своей прожорливости он постоянно отбивается девизом туристов – «Как полопаешь, так и потопаешь».

Уничтожая на кухне горячую яичницу с пюре, дополненные прожаренными ломтиками сала, между глотками, выслушиваем теории Артема насчет происходящего. Он оказался более изобретательным, чем мы и выдал на гора десятка два фантастических версий. Мы с Шуриком переглянулись. Сразу видно, читает человек фантастику. Артем, как и я из всех жанров отдает предпочтение именно фантастике и пожирает ее в неимоверных количествах.

Следующим его шагом стало составление списка необходимого снаряжения. Мы с Шуриком переглянулись еще раз. Наш список был вдвое короче. Не зря я считал Артема дошным.

Особо плотно Артем взялся за Вику.

– Вы как дети! Кому вы решили довериться? – начал он чтение морали голосом участкового, убеждающего детей в

том, что клей нюхать вредно. — Вить, ну ты же умный человек. Или сейчас все твои мозги находятся в штанах? Ну что ты о ней знаешь? Место ее работы и то, что она хорошо машет ногами?

— И руками тоже, — уточнил я и стянул с тарелки в центре колченогого стола последний кусок сала, за что заработал от Артема взгляд полный презрения к моей жадности и отсутствию чувства коллективизма. — И ноги, между прочим, очень даже заслуживают внимания...

— Дети! Нет, хуже детей! — сердито пробормотал Артем и, не глядя на нас, потопал к плите за очередной, если не ошибаюсь, третьей, добавкой. — И каким местом вы думаете?

После четвертой порции он подобрел и глядя на нас слегка осоловелыми от переедания глазками, предложил сперва просто познакомиться с этой девушкой, а потом уж действовать по обстоятельствам.

— Ребенок говорил о пяти близких, — напомнил Шурик. — Кого еще берем?

— А вот о пятом я совсем забыл, — честно признаюсь я. — У меня кандидатур нет. Артем?

— Если мне не изменяет память, а изменять ей вроде не с кем, — хихикнул Артем, — то спиногрыз, то есть ребенок, вещал «не более пяти». Так что пятый лишний, при условии, что твоя красавица в команде.

— О'кей! Только она не моя, — уточняю, осудительно посмотрев на Артема. Честно говоря, я удивлен его столь быст-

рой капитуляцией в вопросе принятия Вики в нашу команду. Обычно он менее сговорчив и уперто стоит на своем, даже ощущая собственную неправоту. – Пока, не моя, – добавляю тихо, почти про себя.

Шурик все-таки услышал последнюю фразу и улыбнулся с легким намеком на недоверие. Я с ним полностью согласен – вероятность перейти к более плотному общению с Викой у меня почти равна нулю. Но как говорить – «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». И как обычно дополняет Артем – «... и не мучается по утрам тяжким похмельем».

Артем мнит себя большим остряком и в разговоре постоянно блистает перлами нашей юмористической эстрады. Он их специально учит наизусть, для создания так сказать антуража. Но не все и не всегда понимают его юмор. Бывают обиды, иногда переходящие, как говорят в карате, фулл контакт – полный контакт, особенно со стороны женщин, не способных постигнуть всю глубину его утонченных шуток...

Закончив обильную трапезу, делим обязанности. Артем, как существо скупое до неприличия и способное торговаться даже с автоматом по продаже газировки, берет имеющиеся у нас деньги и занимается закупкой потенциально необходимого снаряжения. Я с Шуриком обследуем место отправки, ищем Виду и пытаемся ее привлечь к предстоящему безобразию.

Обследование места отправки ничего не дало. Полянка как полянка. Парк как парк. В меру загаженный... С черными пятнами – следами походов на шашлык аборигенов из близлежащих пятиэтажек.

В центре парка, на бетонном постаменте сплелась воедино толпа железных мужиков обвешанных оружием всех мастей, воплощая в себе давно забытую среднестатистическим большинством идею. Из-под кустов выглядывают пустые водочные бутылки, хищно целясь жерлами горлышек в проходящих мимо людей. Метрах в десяти от памятника, на лавочке сидит группа подростков, пускающая по рукам косяк с марихуаной. Может и с чем другим, но вид у ребят полностью отъехавший. В остальном, никаких видимых аномалий.

Все как всегда.

– Вот. Здесь, – тыкает Шурик пальцем в серединку самой обычной полянки, укрытой от любопытных глаз буйными порослями кустарника и вереницей молодых деревьев.

Становимся на четвереньки и внимательно, метр за метром, просматриваем полянку.

Ничего. Кроме осколков битых бутылок, десятка окурков и одного использованного презерватива ничего обнаружить не удалось.

– Странно. Когда я отсюда уходил вместо полянки уже был кустарник и трава по пояс. А теперь опять все нормально, – удивленно сдвигает плечами Шурик, и в очередной раз

пристально осматривает окружающую нас зелень.

— Более чем странно! Смахивает на навороченный розыгрыш с иллюзионном, — мрачно констатирую, поднимаясь с колен. И снова в душе за клубились смутные подозрения. Как-то все идет не так... Даже не понимаю, что меня настораживает... Мы словно музыканты играющие по написанным нотам. И даже если очень захотеть сфальшивить не получится... Не дадут! Тут сам собой напрашивается вопрос: а кто собственно не даст? Кто писал эти самые ноты? Может это...

— Па! Глянь! Педики! — слышится из-за спины восторженный детский голосок.

Такие слова заставляют меня моментально обернуться. Все подозрения мгновенно развеиваются от столь внезапно-го вмешательства.

На тропинке в паре метров от нас стоит пара. Похоже отец с сыном лет шести и сын тыкает в нас пальцем не оставляя ни малейшего сомнения в том, кто в этом парке по его мнению является представителем сексуальных меньшинств.

Обкуренная молодежь на лавочке дружно заржала и начала довольно громко развивать тему нетрадиционной ориентации в условиях пересеченной местности.

Глядя на мое свирепеющее лицо, папаша с сыном поспешно ретируются. Мальчик семеня толстым ножками рядом с широко шагающим покрасневшим как помидор отцом обернулся и взглянул на меня. Удивительно, но на его лице застыло непонимание. Как будто он сказал совершенно не то,

что хотел, а то, что его заставили. Заставили!

Отрицательно машу головой, разгоняя плетущуюся паутину подозрений. Нет. Так нельзя... Это уже паранойей пахнет. Подозревать шестилетнего мальчика... Глупость!

– Что это было? – оборачивается Шурик, не видевший эту парочку и похоже, погруженный в свои мысли даже не слышавший слов ребенка.

– Обознались, – с угрюмым взглядом провожаю удаляющиеся спины папаши и сына. – Ладно, поехали, а то нам еще и зоофилию припишут, – говорю, глядя на сонно зевающую собаку, вылезавшую из кустов в полуметре от все еще стоящего на четвереньках Шурика. Похоже, мы, своими изысканиям потревожили ее сон.

– К Вике? – с улыбкой интересуется Шурик.

– Да, – делаю вид, что совершенно не обратил внимание на промелькнувшую в его голосе насмешку.

Глава 9.

На этот раз подъезжаем к офису «Хранителя» чинно, не торопясь. На стоянке паркуемся рядом с роскошным Опелем серебристого цвета.

– Круто они охраняют, – замечает Шурик, слезая с мотоцикла.

– Не. Просто крутых охраняют, – уточняю я. – Крутых охраняют и соответственно круто живут.

Глушу двигатель. Пару раз чихнув, он выразил свое недовольство в связи с окончанием поездки и обиженно утих. Ставлю мотоцикл на подножку и стягиваю шлем.

– Хух! Жарко! – говорю, недовольно поглядывая на палящее с неба солнце. – Лучше б зимой так старалось...

Подкладка шлема пропотела насквозь и издает не совсем приятный запах.

– Потопали? – Шурик уже стоит у входа и гостеприимно предлагает войти.

Открываем тяжелую дверь. За декоративной деревянной облицовкой прячется стальная конструкция. А глядя с наружи даже в голову не придет что эти двери сродни крепостным воротам.

Ум-м-м. Благодать. Волна холодного кондиционированного воздуха вырывается навстречу, принося облегчение.

Не спеша делаю пару шагов по коридору.

– А! Это опять ты! – рычит знакомый горилообразный охранник из-за стеклянной перегородки. – Я тебе, что в прошлый раз обещал?

Маленькие бесцветные глазки под выпирающими надбровными дугами полны неприязни. Чувствую себя посетителем зоопарка, отделенным от разъяренного самца гориллы лишь хрупким стеклом. Охранник не спеша выходит из своего вольера и направляется ко мне звучно похрустывая пальцами.

Ты про ручки-ножки? – невинно интересуюсь, у так похожего на тех от

кого мы произошли существа.

– Они самые! Вон отсюда! – наливается злобой скуластое лицо.

Я не успеваю уклониться и охранник, неожиданно быстро для своего грузного телосложения, хватает меня за волосы собранные в хвост и тащит в сторону открытой двери, за которой стоит Шурик.

– Ай! Больно! – ору, чуть ли не в полный голос. Боль окутывает голову колючей проволокой. Кажется, что еще секунда, и мой скальп навсегда перестанет быть моей собственностью, оставшись в руках охранника в качестве трофея.

Унижение от такого бесцеремонного обращения, как с какой-то шавкой, значительно усиливает боль и делает ее совершенно нестерпимой.

– Отпусти! – повышаю громкость, переходя на уровень ультразвука, в надежде, что хоть такой истошный вопль принесет желаемый результат.

Охранник, совершенно игнорируя мои причитания, делает еще шаг и оказывается на пороге двери.

Если верить собственным предчувствиям, то мне предстоит краткосрочный полет с довольно жестким приземлением на асфальт. И это в лучшем случае. В худшем – мне придадут дополнительное стартовое ускорение для выхода на необходимую траекторию увесистым пинком под зад.

Вот тебе и сходили к девушке...

Шурик, предусмотрительно оставшийся снаружи, осторожно высунувшись из-за кромки двери, сострадательно смотрит на меня и резким движением руки захлопывает эту самую дверь.

Что происходит вверху, над моей головой, я не вижу, так как горилла тащила меня по полу лицом вниз, точнее я перемещался по полу на четвереньках влекомый за хвост волос грубой силой, но слышу глухой стук и охранник падает на меня сверху, придавив к полу своей тушей.

Открывается дверь и появляется сияющий Шурик.

– Ты цел? – заботливо интересуется он, заглядывая под тело охранника, из-под которого меня почти не видно.

– Твоими стараниями! – с трудом стону я. – А теперь сними эту тушу с меня, а то моя хрупкая фигура окончательно испортится и станет напоминать сломанную спичку.

Со стороны я, наверное, напоминаю сидящую на низкокалорийной диете жабу, на которую упал здоровенный кирпич.

Шурик пыхтя и краснея от напряжения стаскивает с меня тело. Встаю.

– Ух! Как болят ребра!

Шурик с улыбкой наблюдает за моими гримасами. То, что другие постоянно спасают мне здоровье, уже начинает входить в привычку.

В длинном, устланном ляпистой ковровой дорожкой, коридоре больше никого. Не смотря на весь шум, который мы

здесь устроили, из дверей, вереницей тянувшихся вдоль коридора, не высунулось ни одного любопытного лица.

– Вымерли они все что ли? – настороженно оглядывается Шурик. – Как-то слишком спокойно для охранного агентства... Не нравится мне все это...

Заглядываю на лестницу, ведущую на второй этаж. Пусто.

– Как на кладбище, – комментирую я, поддавшись упадническому настроению друга.

– Ну? Куда дальше? – интересуется мой спаситель, не прекращая вертеть головой по сторонам.

В глубине души распускает липкие щупальца просыпающийся страх. На этот раз мы, кажется, зашли слишком далеко в своих эмоциональных, непродуманных поступках. За такое бесцеремонное вторжение в частную фирму... Да еще и такого профиля... В случае чего, по головке нас точно не погладят... Разве что сапогом пятидесятого размера...

Мертвенную тишину здания нарушил слабенький стон поверженного охранника. Зашевелились пальцы-сардельки на мускулистых руках. Зашуршала синяя униформа. При падении форменная рубашка с непонятного содержания нашивками выдернулась из брюк, обнажив волосатую спину. Но, не смотря на все жалкие проявления жизненной активности, до полного возвращения в реальность ему как минимум минут двадцать. Если б меня такой тяжелоенно дверью... да со всего размаха... да прям в лоб... Ну даже не знаю, как бы себя чувствовал если бы чувствовал вообще, но гаранти-

рованно мочился бы в дальнейшем от страха в общественном транспорте, при голосе из динамиков: «Осторожно, двери закрываются».

В ответ на вопрос Шурика пожимаю плечами. Последним и единственным пунктом моего грандиозного плана было проникновение мимо охранника, что нам с успехом и удалось. Правда не мимо, а через него, но в данной ситуации это роли не играет. Главное результат, а не способ его достижения. Дальше планировался сплошной экспромт.

– Давай заглянем в отдел кадров, – неуверенно предлагает Шурик. – Судя по зданию, организация немаленькая, так что такой отдел должен быть. Может там нароем какую информацию о Вике. Главное, чтобы здесь больше охранников не было, а то на бис я выступать не очень то хочу.

В голове на мгновение просыпается осознание абсурдности происходящего, но тут же исчезает как надпись мелом на школьной доске под мокрой тряпкой. Остается лишь легкое, слишком легкое, чтобы относиться к нему серьезно ощущение театральности. Как будто мы играем уже заранее написанные роли... Все идет, по какому-то сценарию, написанному точно не нами. Погоди ка! Вроде об этом я уже думал. Или нет? Ч-черт, прямо дежавю какое-то.

Тряхнув головой, я выгоняю роящиеся как мухи над навозом мысли. Все идет нормально. Чего переживать? Охранника мы лихо одолели. Больше здесь никого нет. Теперь осталось только попасть в отдел кадров и сесть за компьютер. А

потом... Мечтательно улыбаюсь. А потом я распотрошу всю их компьютерную защиту, выверну наизнанку все базы данных и получу необходимую информацию о Вике. И все это я сделаю менее чем за двадцать минут. То есть мы покинем здание еще до того, как охранник вернется в реальный мир.

От предвкушения у меня зачесались кончики пальцев, желая поскорее коснуться клавиатуры и вступить в поединок с системой компьютерной защиты.

Интересно, у них здесь стоит стандартное защитное программное обеспечение, или что-нибудь самодельное, эксклюзивное, разработанное командой программистов под заказ.

Нервным жестом касаюсь нагрудного кармана и ощутив твердость небольшой пластиковой коробочки успокаиваюсь. Все, что необходимо для вторжения в информационный мир у меня всегда с собой. Джентльменский набор... Пяток трехдюймовых дискет и миниатюрный компакт-диск, заполненные разнообразным программным обеспечением на все случаи жизни. Там есть все: начиная от банальной Windows, и заканчивая самописными программками, для не совсем законных целей.

Идем по длинному коридору, рассматривая серебристые таблички на дверях.

«Аудитория №1»

«Аудитория №2»

– Они что здесь еще и учатся? – насмешливо хмыкаю,

невольню вспомнив студенческое прошлое.

«Тренажерный зал»

«Начальник отдела информационной защиты»

Останавливаюсь перед этой дверью и непроизвольно облизываюсь. Сколько же интересной информации должно храниться на жестком диске компьютера, который стоит за этой дверью? А может и нет... Вполне вероятно, что вся информация, в том числе и данные отдела кадров хранятся на сервере, центральном компьютере, стоящем где-нибудь в маленькой комнатке за толстенной бронированной дверью. Если так, то нам более ничего не требуется искать. Достаточно сесть за любой компьютер и через сеть войти на сервер...

– Нет, что-то здесь не так. Слабовата система охраны для конторы с такой спецификой. Или это только внешне кажется, что все так просто? – все еще мучается подозрениями Шурик.

– Стой! – резко останавливаю его. – Смотри! – показываю пальцем на крошечную, не заметную на первый взгляд видеокамеру, висящую под потолком, – И вон, и вон еще! – тыкаю пальцем.

В душе поднимается волна животного страха. Кажется, мы влипли по самое никуда.

– Мы на мониторах системы слежения! Как же я сразу не догадался! – делает вывод из моего рукомахества Шурик и зеленеет от предчувствия надвигающихся проблем. – Где-нибудь находится еще как минимум один охранник за цен-

тральным пультом! Пора сматываться!

Бежим в сторону входной двери, чувствуя себя как мишени в тире под безразличными взглядами видеокамер. На бегу перепрыгиваем через мирно отдыхающего охранника. Толкаем дверь.

– Приехали! – с легким намеком на панику выдыхаю я.

Двери оказываются запертыми. Замка не видно

– Похоже на то! – Шурик испуганно вертит головой по сторонам.

Из-за спины раздаются легкие шаги. Разворачиваемся синхронно и готовимся либо дать отпор, либо начать оправдываться. С последним у нас точно будут проблемы, так как вряд ли найдется правдоподобное объяснение в отношении лежащей на полу туши.

По лестнице быстро спускается два молодых парня, лет по двадцать пять, в униформе очень похожие друг на друга.

– Наверное, братья, – неуместно мелькнула мысль, – двойняшки, или близняшки.

Пока я размышлял над степенью их родства, в руках у парней появились пистолеты необычной формы.

– Ну не убьют же нас просто так? Оружие, наверное, газовое! – пугливо затрепыхалась тусклая надежда.

Шурик реагирует на происходящее крайне необычно – падает на пол и пытается сделать подсечку нападающему. Я даже не ожидал от него такой прыти. У меня были планы решить конфликт максимально мирным путем и обойтись без

рукоприкладства. А тут на тебе. Шурик, всегда спокойный и невозмутимый, ни с того ни с сего бросается на охранников. Чертовщина какая-то.

Близнец нажимает на курок.

Эх поспешил Шурик... Не учел расстояние...

Только после тихого хлопка выстрела догадываюсь – «Та-зер». Оружие, действующее по принципу обычного электрического шокера, только еще и стреляющее на незначительное расстояние иглами с тонкими проводами по которым к ним идет ток. При сильном разряде возможен летальный исход.

Две иглы втыкаются в Шурика и он пару раз дернувшись в конвульсиях, безмолвно замирает, сжавшись в комок на полу в полуметре от ног стрелка.

Во мне неожиданно просыпается дух берсеркера. Возникает непреодолимое желание ломать и крушить, завязать близняшек в морской узел. Ненависть застилает глаза красной пеленой. Невидимые волынки захлебываются военным маршем, толкая меня вперед. Барабаны бьют дробь в предчувствии вот-вот прольющейся крови ненавистного врага. Под натиском доселе неизвестных чувств воля ломается как соломинка оставляя в душе лишь слепую жажду мести.

– Падла! – с криком бросаюсь на близнеца выстрелившего в Шурика. Сейчас мне все до лампочки. Могу убить, не задумываясь о последствиях. Организм вырабатывает адреналин в невероятных количествах. Одна мысль в мигном опустевшей голове – «За Шурика!».

Уклоняюсь от направленного тазера противника. Похоже, он не ожидал такого хода событий. Всю силу вкладываю в кулак направленный в его челюсть.

Удар. Жуткая боль в руке.

Сломал? Все равно!

– За Шурика!

Замахиваюсь второй раз, но сквозь пелену бешенства вижу, что противник сползает по стене, а изо рта течет струйка крови. Собираюсь развернуться и напасть на второго, но останавливает резкое жжение в правом боку. Опускаю глаза. Чуть ниже ребер торчат две иголки с тоненькими проводками, уходящими куда-то мне за спину.

Разряд.

Меня встряхивает, и тело наполняется электрической болью.

Мир перед глазами мутнеет, переворачивается. Успеваю подумать: «Жаль... Жаль, что не попал первым. Мог бы успеть».

Темнота.

Глава 10.

Темнота.

Еще раз открываю глаза. Все равно темнота. Бархатная. Кажущаяся материальной.

«Неужели ослеп?!» – страшная мысль молнией рассекает

пытающийся осознать происходящее мозг.

Ощупываю пространство вокруг себя. Бетонный пол. Бетонная шершавая стена неприятно царапает ладонь. Холодно.

Окончательно придя в себя, осознаю, что сижу на полу, опершись о стену. Сажу, судя по сырости в подвале. Сильно болит и кружится голова. Пытаюсь встать опершись на правую руку, но приподнявшись, падаю обратно зашипев от боли в кисти. Сломать не сломал, но вывих есть. Боец из меня никудышный. Но врезал я ему конкретно. Не смотря на боль довольно улыбаюсь.

В памяти в подробностях всплывают события предшествующие отключке. И чего я так взбесился? Ведь все можно было решить словами. Отделаться извинениями. А вместо этого устроили побоище. Что же с нами такое происходит? Сами не свои. Как будто кто-то думает за нас. И Шурик тоже, как ненормальный на охранника бросился. Шурик! Как же я мог о нем забыть! Что с ним?

– Ау! Шурик! – шепчу в темноту.

Мой шепот отражается эхом от бетонных стен.

Слышу стон и ползу на четвереньках в его сторону. Руки натыкаются на тело. Ощупываю лицо лежащего. Вроде он.

– Шурик! Ты как? – наклоняюсь я над ним.

Сильные, цепкие руки хватают меня за голову и тянут вниз.

– Шур...! Ты что? Отпусти! – хриплю с трудом, пытаюсь

вырваться. Но руки тянут вниз сильнее и сильнее к чему-то горячо дышащему и неприятно пахнущему.

Нет, это точно не Шурик! Но кто же тогда? Где я?

Воображение рисует жуткие картины, подстегивая и так растущий как на дрожжах животный страх. Перед глазами проносятся наиболее мерзкие эпизоды из фильмов ужасов, формируя представление о моем противнике. Страх, усиленный темнотой и неизвестностью, переступает невидимую границу, загоняя сознание куда-то в глубину, и превращает меня в безвольную куклу, не способную сопротивляться. Вместо того, чтобы нанести неизвестному несколько ударов я всего лишь судорожно дергаюсь из стороны в сторону как рыба, попавшаяся на крючок. Липкий ком, застрявший в горле, мешает позвать на помощь.

Подгибается вывихнутая рука, и я с криком боли и страха падаю на неизвестного. Руки сжимают сильнее.

Сопротивляться нет сил. Шок от тазера в паре со страхом выжали меня как лимон.

Меня прижимает лбом к чему-то твердому и влажному. Судя по горячему дыханию, быющему в лицо неизвестный зачем-то прижал мой лоб к своему и удерживает в таком положении.

Перед зажмуренными глазами часто замелькали яркие анимированные картинки. Серые скалы густым частоколом окружают меня. Над головой зависло давящее красное небо.

Следующая картинка. Группа мужчин и женщин в про-

сторных серых одеждах неторопливо шествует по каменному плато. Я их вижу со спины. Почему-то я уверен что это не люди. Точнее люди, но не такие как мы.

И снова картинки как вагоны скорого поезда проходящего мимо мелькают перед закрытыми глазами. На этот раз это озеро с кристально чистой водой, окруженное буйством незнакомой зелени. Откуда-то из глубин озера на поверхность всплывает несколько детей в окружении больших пузырей воздуха. Достигая поверхности, пузыри лопаются, разбрызгивая в разные стороны сверкающие в красном свете капли. Кто же их таких крохотных отпустил без присмотра в воду? Они же совсем малютки. Дети часто семена пухленькими ручками и ножками плывут к берегу как стайка мелкой рыбешки. Их лица полны радости и восторга. Широко раскрытые глаза с восхищением взирают на окружающий мир, как будто видят его в первый раз.

Следующий кадр заставляет меня вздрогнуть от ужаса и отвращения. Война это всегда страшно. Тем более такая... В долине окруженной пологими холмами схлестнулись две армии вооруженные острыми камнями, ногтями и зубами. Серый камень залит кровью, кажущейся черной в льющемся сверху красноватом свете. Нет, я ошибся. Это не две армии. В сражении каждый сам за себя. Впиваются в горло зубы вырывая куски плоти... Неестественно выворачиваются сложенные конечности... Летят во все стороны брызги от разmozженной камнем головы... Хищно скалятся перекошен-

ные злобой лица с горящими безумием глазами...

– Нет! Не надо! Остановите все это! – кричу я не в силах больше смотреть на истребляющих в исступлении друг друга людей.

Незнакомец, удерживающий меня, внял мольбам и руки разжались. Обессилено падаю на холодный пол. Но я все еще там... среди сражающихся... Я заглядываю в полные безумия глаза пытаюсь понять.

– Почему? – еле слышно шепчу я, глядя в невидимый потолок. – Зачем столько смертей?

Глава 11.

– Витя! – откуда-то издалека звучит знакомый голос. – Давай, давай, приходи в себя!

Открываю глаза. Темнота.

Закрываю и открываю снова. Темнота.

– Ослеп? Что со мной? Где я? – просыпается страх.

– Все нормально! Ты не ослеп! Просто здесь очень темно. Нас здесь заперли, – успокоительно звучит голос друга.

Сажусь. В голове вертятся смутные обрывки каких-то кошмаров. Серые скалы. Отдающее красным небо. Истребляющие друг друга люди. Нет, кажется, не люди... Не отпускает ощущение чего-то мерзкого произошедшего со мной... Или не со мной? Ну и похмелье от этого тазера... И врагу не пожелаешь. В голове как в парламенте: шума много, а умных

мыслей ни одной.

– Все целое? – заботливо ощупывает меня Шурик.

– Да. Спасибо. Все путем. Вот только башка болит очень сильно.

– Вить?

– А.

– Что там было?

– Как всегда самое интересное ты пропустил, – привычным тоном не смотря на головную боль, начинаю шутить. – После того как ты перешел в состояние «экспонат, руками не трогать», меня на этой почве обуяла навязчивая мысль «А не дать ли мне кому-нибудь сегодня в морду». Мысль была тот час же реализована, причем весьма успешно. Окрыленный успехом я решил провести на бис раунд с близнецом поверженного. Но, увы, – корчу грустную мину, совершенно забыв, что в темноте мимика абсолютное излишество. – Этот гад засунул мне под ребра свой паяльник и врубил 220. О дальнейшем история умалчивает...

– Молодец! – довольно хихикает Шурик.

– Ты лучше скажи мне, какого черта ты бросился на охранника? Зачем ты напал на него? Если бы не твой энтузиазм, то вполне возможно, что разошлись бы мирно.

– Не знаю, – неуверенно ответил он. – Я сам сейчас не могу понять, почему так поступил. Как будто меня подтолкнули...

Тут мне начинают лезть в голову мысли о последствиях

от проведенного вояжа.

— Такие последствия прямым путем ведут к следствию! —
схохмил я не

очень-то весело.

— Ты о чем?

— Посодют нас Шурик, как пить дать посодют! И припишут нам разбой и делание беспредельства. Денег на адвоката у нас нет... Так что начинай сушить сухари, учись по фени ботать и спать лицом вверх во избежание...

Мои мрачные пророчества прервал сноп света, вырвавшийся из открытой двери. В проеме двери возник силуэт, частично заслонив свет. Но и этого количества хватило, чтобы рассмотреть нашу темницу. С удивлением обнаруживаю, что мы здесь не одиноки. В нескольких метрах от нас, в углу комнаты лицом вниз лежит изможденная женщина. Взгляд, брошенный на нее, вызвал где-то в глубине ощущение беспокойства, которое тотчас же пропало.

Под потолком ярко вспыхнул светильник. В комнату зашли близнецы.

Со злорадством замечаю, что лицо одного из них основательно потеряло симметрию. Взгляд несимметричного близнеца не обещает ничего хорошего. Видать злопамятный попался.

В общем, все ясно... Суда не будет. Утопят как котят в ближайшем унитазе и выбросят на помойку. Не веселенькое будущее.

Ангел-хранитель скрутил мне красноречивую фигу, и, повернувшись задом, выразил свое мнение по поводу происходящего довольно мелодичным звуком.

– Встать! – слегка шепелявя, рявкает несимметричный. Дружно исполняем команду.

В комнату заходит пожилой мужчина в строгом костюме. Галстук в серую полоску удерживает золотая заколка в виде жука-скарабея. Из-под расстегнутого пиджака многозначительно выглядывает кобура.

– Почему они вместе с женщиной? – В его голосе звенит металл.

Похоже, близняшки провинились.

Виновные потупили головы.

– Никаких распоряжений на счет их размещения не поступало, – оправдывается более симметричный брат. – Вот мы их сюда и забросили.

Несимметричный как китайский болванчик кивнул головой, подтверждая слова брата, за что удостоился презрительного взгляда мужчины в костюме.

– Ладно. С вами потом разберемся. Их в шестую комнату, – сердито рявкнул мужчина и утупил в нас взгляд.

Под его взглядом оказалось весьма неудобно. Как будто по спине напильником прошли.

Похоже, он остался доволен увиденным. Хмыкнув напоследок, он развернулся на каблуках и вышел, чеканя шаг.

Судя по выправке и манерам – типичный отставник, при-

чем в высоком звании.

– Вперед! – команда продублировалась увесистым пинком под зад.

Что обидно, пинок Шурику был существенно слабее.

«Злопамятные ребята попались» – подумал я уже не в первый раз, уклоняясь от повторного пинка.

Шурик попытался вежливо поинтересоваться, куда нас ведут, но остался без ответа.

Нас привели в большую комнату без окон, в центре которой разместился стол и несколько стульев. Несколько люминесцентных ламп, прикрытых декоративными решетками, заливают комнату ярким светом.

– Сидеть! – приказал один из близнецов, переставив пару легких пластиковых стульев в дальний угол комнаты.

Мы как дрессированные собачки устроились на стульях лицом к двери. Наши конвоиры замерли по бокам от двери, демонстративно выставив на показ, на этот раз уже боевые пистолеты, а не тазеры. Я сразу оценил повышение их огнестрельного потенциала и дал себе обещание больше с ними не ссориться.

Сидеть пришлось минут десять. За это время я успел перебрать в голове все возможные варианты оправданий и планов побега.

– Ты мне только повод дай... – еле слышно прошепелявил несимметричный брат и поправил кобуру, тем самым, раз-

громив в пух и прах все мои планы.

Нет никакого сомнения в том, что если я сделаю хоть один неверный шаг, злопамятный близнец пристрелит меня при попытке к бегству. Интересно, глубокий вздох тоже будет расценен как такая попытка? Настороженно поглядывая на дремлющий в кобуре пистолет, я глубоко вздыхаю и удобнее устраиваюсь на жестком стуле.

Распахнулась дверь, и в комнату чуть ли не маршируя, вломился отставник.

– Кто вы? – начал он на пути от дверей к нам.

– Ну-у мы это. Как его... – Как всегда в наиболее ответственный момент мое красноречие приказало долго жить, оставив в качестве наследства лишь набор не совсем связных слов.

– Ребята, вы не понимаете, во что вы вляпались! Кто вы и что здесь делаете? – вперились в нас сверлящие глаза.

Переглянувшись, мы рассказываем все. Точнее почти все. Умалчиваем все связанное с ночными приключениями Шурика в парке. В результате события начинают выглядеть как весьма неуклюжая попытка знакомства с симпатичной девушкой. И не более.

Лицо отставника по мере нашего рассказа оттаивает и, наконец, расплывается в улыбке.

– А я уж было подумал

Мы не успели узнать, что он подумал. Внезапно распахнувшаяся дверь впустила взмыленного парня в бронежилете

и с пистолетом в руке.

— Она проснулась! — тяжело дыша, просипел он. В коридоре раздались взволнованные крики и топот ног. — Она прорывается... Они могут быть заражены...

Отставник вскочил на ноги, выхватывая пистолет. Ствол у него по размерам полностью соответствует должности. Тупорылое оружие вперилося в нас хищным взглядом, готовясь родить свинцовую смерть.

Со скрежетом стена за его спиной раскололась на части и в проломе в облаке пыли и обрывках обоев кружащих в воздухе как опадающие листья появилась женщина. Легким движением руки она сломала отставнику шею, и тело безжизненной куклой осело на пол.

Парень в бронежилете, стоящий у двери, успел пару раз выстрелить в женщину. Скорость ее движений оказалась потрясающей. От первой пули она уклонилась легким движением тела. Вторая ушла в потолок, потому что именно туда был нацелен пистолет, зажатый в руках уже отделенных от тела стрелка одним рывком. Парень удивленно взглянул на свои руки лежащие в углу комнаты. Кровь бьет фонтанами из разлохмаченных культей, оставляя на полу красные полосы. Ноги подкосились, и он упал, конвульсивно дергаясь в такт выплескивающейся крови.

Близнецы, как бы очнувшись от секундного ступора, открыли огонь из пистолетов по убийце.

Она попыталась приблизиться, но огонь оказался слиш-

ком плотным.

Нас спасает то, что мы сидим под стенкой и не попадаем в зону огня. Ни черта не понимая в происходящем, мы дружно рухнули на пол. Теперь пули засвистели над головой.

Все в жизни кончается. Опустили и у близнецов обоймы. Хоть и перезарядили они их почти мгновенно, но это уже не играло абсолютно никакой роли. Она была рядом. Руки, выброшенные в стороны, с противным чваканьем одновременно пронзили грудные клетки братьям и вырвались обратно, сжимая какое-то кровавое месиво. Мои познания в анатомии подсказали, что это ошметки легких.

На все эти события ушло менее минуты.

Мы оказались невольными участниками жесточайшего побоища. Лежа в луже крови, которая вытекла из плеч стрелка в бронежилете, мы как кролики на удава смотрим на женщину, замершую в выжидательной позе посреди комнаты.

Она стоит как гладиатор-победитель в центре арены, в ожидании появления нового, более достойного противника.

Шурика звучно вырвало.

И не удивительно, такое количество крови, трупов и оторванных рук мы в жизни не вдели. Разве что по телевизору.

Мелодичные напевы Шурика привлекли внимание убийцы.

Только теперь лежа метрах в пяти от ее ног я смог подробно ее рассмотреть. На вид лет тридцать пять. Приятные черты лица выглядят спокойными и умиротворенными, как буд-

то это не она только что уложила четверых наповал. И, похоже, эти жертвы были не первыми и не последними. Одежда, забрызганная кровью и пропитанная пылью, свисает лохмотьями, демонстрируя сквозь многочисленные дыры бледное тело.

На меня взглянули темные глаза женщины. В них мелькнуло что-то такое... Даже не знаю как это назвать... Может ласка... любовь. Этот ласкающий взгляд так не вяжется с ее агрессивными действиями.

По одежде, я узнал ее. Это же она была с нами в камере. Женщина не спеша, двинулась в нашу сторону.

«Все! Аминь! Личное дело подопечного передается похоронной команде» – пропел мой ангел-хранитель и зажмурил глаза, не желая видеть кровавую развязку.

Ее неторопливое шествие было прервано рослым охранником в бронежилете, появившимся в проломе стены. Висящая в воздухе пыль не позволяет ему в полной мере оценить ситуацию.

Оружие у нового персонажа бойни оказалось посерьезнее, чем у уже умиротворенных бойцов.

Дробовик!

Моя догадка полностью подтвердилась хрустом передергиваемого затвора под стволом оружия.

«Хана тетке!» – одновременно радостно и огорченно подумал я. – «Сейчас нашинкует ее дробью как сало чесноком!»

Вкусовые пристрастия женщины радикально не совпали с моими. Она мгновенно развернулась на сто восемьдесят градусов и ринулась в сторону противника.

Охранник прицелился...

«В нас! Почему в нас?» – глядя на нешуточных размеров дуло я как затравленный зверь зажимаюсь в угол.

... и нажал на курок.

Женщина прыгнула вперед и в бок, принимая заряд дробы в грудь.

– Вот и все! – прошептал Шурик, отплевываясь и стирая пыль с лица.

– Все! Объект мертв! – рывкнул стрелок в микрофонрации.

Тот час же в комнату через двери и пролом в стене ворвалось шесть вооруженных человек.

– Молодец Стас! Метко ты ее! – произнес один из вошедших парней и дружески похлопал его по плечу.

– Она сама под выстрел подлезла... Я вообще-то в этих гавриков целился... Что-то с ними не так, не зря же она именно к ним прорывалась. Неспроста это. – Стрелок пренебрежительно отмахнулся от комплимента. Он уже потерял интерес к происходящему. Осмотрел оружие, протер ладонью запылившийся ствол и неторопливо вышел через пролом в стене.

Мавр сделал свое дело, мавр может гулять смело.

Женщина в нелепой позе лежит на полу. Вошедшие,

несмотря на ее неподвижность, оружие не опускают. Их глаза настороженно осматривают труп.

– Что с ними? – спросил один из охранников, пренебрежительно кивая в нашу сторону.

– Похоже, что только один из них заражен. Его в расход. Второго обколоть и поместить в психушку, – сказал отставник со сломанной шеей, вставая с пола.

Мы переглянулись округлившимися глазами. Шурик сделал удивленное лицо и смачно чихнул от витающей в воздухе пыли. Связных слов, чтобы выразить свои эмоции у него не нашлось, поэтому он лишь выдал глубокомысленное:

– Ба-а-а!

Меня оживление отставника удивило гораздо больше чем предстоящий вариант смерти или дурки до старости. И к тому же я не могу понять, о какой заразе они ведут речь. При чем здесь я и Шурик? И вообще, каким боком мы вплетаемся в этот хоровод душевнобольных?

Отставник, не смотря на недавние события, выглядит весьма прилично. Экстерьер портит только пыль, от разбитой стены скопившаяся на костюме и немного перекошенный галстук с золотой заколкой в виде жука-скарабея.

– Ребят в лабораторию. Женщину сжечь. Трупы убрать. – Он с сожалением посмотрел на лежащих близняшек и печально покачал головой. – И на этот раз, чтобы все без ошибок. Слишком уж большую цену нам приходится платить за подобные ошибки.

Нас подняли и потащили.

Уже стоя в дверях, я в полной мере оценил размах побоища.

Пролом в стене...

Трупы...

Липкие, припорошенные белой пылью лужи на полу...

Оторванные руки в дальнем углу все еще сжимающие пистолет...

Стены, испещренные оспинами пуль...

Тело женщины посреди комнаты...

Деловито обсуждающие последние события люди с оружием в руках...

Голова закружилась, и я с трудом подавил накативший приступ тошноты.

Ч-черт! Да кто они такие? А она?

Спрашивать в слух я не решился, так как косые взгляды в нашу сторону выглядят не особо дружелюбно. Лучше уж молчать.

На пороге нас и наш эскорт почти сбила с ног невысокая девушка в коротенькой юбке и белоснежной блузке. Оглядев комнату, она с криком ринулась к безрукому трупу.

– Сенечка, любимый! – жалобно простонала она, обнимая окровавленное тело, и не обращая внимания, на появившиеся на белой блузке темные кляксы.

Абсурдность и нереальность происходящего конкретно давит на психику. Глянув на Шурика, перепачканного в кро-

ви и еще чем-то, понял, что ему не лучше. На его лице блуждает неуместная и немного дурковатая улыбка.

– Почему? Почему он? – рыдает девушка. Ее слезы оставляют чистые дорожки на покрытом вездесущей пылью лице охранника.

Окружающие молча отводят глаза.

Девушка обернулась и взглянула на нас. Не смотря на слезы горя глаза полны ненависти. Мне стало страшно. Женщина в таком состоянии сделает, что угодно и вряд ли ее кто-то остановит.

– Ненавижу! – простонала девушка и бросилась на нас.

На последнем метре ее перехватил отставник, но все же до моего лица ей удалось дотянуться. Щеку пересекли две пылающие полосы глубоких царапин.

– Все хватит, хватит, – поглаживая ее по голове, отеческим тоном успокаивает отставник.

Судя по всему кроме него больше никто оживать, не собирался. А жаль...

Совсем непонятно то, что наиболее сильное чувство жалости я испытываю не к охранникам, погибшим при исполнении какого-то своего долга, а к их убийце.

Сфокусировав расплывшееся от жжения царапин, зрение на женщине и слизнув с губы капельку набежавшей крови, я ощутил дикий прилив жалости.

«Она же мне никто, абсолютно никто!» – убеждаю себя и стараюсь подавить рвущуюся откуда-то изнутри волну

чувств.

Но чувство боли утраты и отчаяния все сильней и сильней пульсирует в груди. Наверное, такое чувствует новорожденный в момент перерезания пуповины идущей к уже мертвой матери.

«Матери? Какая глупость!» – борется рассудок с реальностью.

Чувство потери частички себя становится невыносимым. Если бы не руки конвоиров я бы бросился к ее телу. Обнял. Прижался бы грудью к ее мертвой плоти, пытаюсь отдать часть собственной жизненной силы. Все, все что угодно лишь бы она жила.

Не в силах бороться с обуявшими меня чувствами я ринулся, увлекая за собой охранников.

– Машен! – вырвался из моих легких крик. Я повис, пытаюсь приблизиться к телу, на руках конвоиров. Мускулистые охранники лихо заломили мне руки за спину, так и не дав приблизиться к женщине.

Шурик утупил в меня непонимающий взгляд, но мне сейчас все равно.

Умерла Машен! И это главное!

Машен это ее имя... Оно всплыло в мозгу в пик отчаянья. Что оно значит, и откуда взялось я не знаю, и в этот миг знать не хочу.

– Это он, – довольно произнес отставник, прижимая к груди плачущую девушку. – Тем лучше... Теперь можно обой-

тись без экспертизы.

Его слова немного привели меня в чувство и вернули к реальности.

«Меня убьют!» – вспомнился его приказ.

Чувство юмора ушло в коматозное состояние.

Оглянувшись по сторонам, вижу в глазах окружающих страх. Они, вооруженные до зубов в количестве человек пятнадцать как минимум, боятся меня, безоружного, бессильно висящего на руках здоровенных охранников. Боятся, как боится здоровый человек чумного.

Почему? Кто я?

Непонимание на лице Шурика достигает апогея.

Заломив руки за спину так, что хрустнули суставы, охранники почти выволакивают меня из комнаты. Сопротивляться нет сил. Отчаяние заглушило все чувства. Сознание не в силах справиться с такой эмоциональной нагрузкой плавно угасает.

– Машен! – шепчу отключаясь.

Глава 12.

Тупая боль в руках заставляет прийти в себя.

Открываю глаза и осматриваюсь. Сажу в комнате, прикованный наручниками к креслу. Руки чересчур заломлены за спинку кресла, и наручники приносят сильную боль, от которой я и пришел в себя.

Пытаюсь анализировать произошедшее. Пазл в мозгу никак не хочет складываться, так как нет самого главного – картинки, по которой необходимо складывать. Присутствует только великое множество кусочков с крохотными частями этой самой картинки. Вот только ума у меня не хватает, чтобы сложить их правильно... Иногда даже кажется, что это несколько перемешанных наборов и в результате должна получиться не одна картинка, а несколько.

Огромное количество вопросов и практически все не имеют ответов.

Чувство отчаяния улеглось, оставив после себя глубокий след. Почему же меня так взволновала смерть абсолютно неизвестной женщины? Кто эти люди с оружием? И не слишком ли много стволов даже для охранного агентства? Как в наше, почти цивилизованное время могут существовать такие полувоенные нелегальные организации? Стоп! А почему собственно нелегальные? Может что-то правительственное или еще кто? Их сейчас расплодилось...

Пытаюсь пошевелиться, но с шипением боли прекращаю попытки. Руки затекли, и каждое движение приносит боль. Сильно жжет лицо.

«Ну вот... И до этого фасад был не очень, а теперь с чистой совестью могу сниматься в роли гремлины без грима», – тихонько выходит чувство юмора из комы.

– А! Теперь уже все равно, – шепчу вслух. – Ведь обещали мне смерть аки татю, а Шурику коечку в дурдоме... Нез-

вестно, что лучше... Жаль не будет шанса подискуссировать с Шуриком на эту тему.

Щелкает замок и открывшаяся дверь впускает в комнату... Не верю своим глазам.

– Привет Виктор, – вежливо здоровается симпатичная хозяйка Мазды – Вика. – Как дела?

Странно, откуда она знает мое имя. Я не помню, чтобы представлялся ей... да и Шурик вроде при посторонних меня ни разу по имени не называл

– Лучше всех! Вот сижу, жду заказ: шампанское и крабы. Ты какое больше любишь полусухое или сладкое? – пытаюсь хорохориться. Не хватало еще ей показывать, что у меня на душе твориться. Пусть лучше запомнит меня молодым и красивым... Тфу ты... Оговорился... На красавца я сейчас не тяну... Молодым и веселым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.